

ВЕТЕР И КРЫЛЬЯ

С
Старые дороги

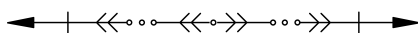
Н
Новые мосты

П
Перекрестки

Р
Развязанные узлы

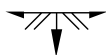
КОЛДОВСКИЕ МИРЫ

ГАЛИНА
ГОНЧАРОВА

ВЕТЕР И КРЫЛЬЯ

ПЕРЕКРЕСТКИ

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г65

Разработка серийного оформления *О. Закис*
Иллюстрация на переплете *С. Дудина*

Гончарова, Галина Дмитриевна.
Г65 Ветер и крылья. Перекрестки / Галина Гончарова. — Москва : Эксмо, 2023. — 480 с. — (Колдовские миры).

ISBN 978-5-04-173735-1

Ветер, поднятый крыльями ворона, закручивается в воронку хаоса. И втягивает в себя людей, дороги, меняет судьбы.

Кто бы сказал Лоренцо Феретти, что он будет рисковать свободой, жизнью и рассудком — ради работорговца?

Кто бы намекнул Адриенне, что ей придется проводить древние ритуалы, хладнокровно осуждать людей на смерть?

Кто бы шепнул Мие, что она убьет самого своего близкого человека?

Дороги сплетаются в невообразимый клубок, дороги меняют людей — и люди выбирают новые пути.

Или это уже не люди? Они еще разберутся.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Гончарова Г.Д., текст, 2023

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо»,
2023

ISBN 978-5-04-173735-1

Глава 1

Лоренцо

Гладиаторы бывают разные. И школы, в которых мужчин обучают убивать друг друга всеми возможными способами, — тоже¹.

Люди могут сражаться один на один. Могут сражаться один против нескольких людей или группами. Могут сражаться с животными. Могут даже не сражаться, а просто убивать. Расстреливать, словно мишени.

От типа зрелищ и боев отталкивается основная классификация.

Еще многое зависит от типа оружия, которым сражается гладиатор.

Копье, дротики, меч, сабля, сеть, трезубец или вообще боец-двоеручник, который мог одинаково ловко работать обеими руками.

Конный или пеший. В кольчуге или без.

Это основное деление. А дальше начинаются разные тонкости, в которых Энцо еще не разобрался. Впрочем, пока он и не мог этого сделать.

Хотя бы потому, что отвратительно знал араийский язык.

Он старался, он учился, он запоминал слова и звуки, воспроизводил их, выворачивая свой язык, старал-

---

¹ За основу взята система Древнего Рима. Но упрощенная. (*Прим. авт.*)

ся говорить точно так же, как местные, изо всех сил вслушивался в гортанную жесткую речь.

Зачем?

А затем!

Даже если он завтра погибнет на арене, он умрет не смирившись. Он учит язык врага, чтобы рано или поздно проложить себе дорогу к свободе. Пусть на него смотрят как на дурака. Пусть качают головой, пусть думают, что все зря, что таких было много, очень много...

Не важно!

Плевать на все и на всех.

На сотоварищей по несчастью, на рабов, которых арайцы обильно закупают в разных странах, на слуг, даже на ланисту Зеки-фрая, которого Энцо ненавидел. Хоз-с-с-с-сяин!

Удавил бы мразь, но приходится терпеть.

Ничего, Энцо прошел хорошую школу в лавке. Ах, дядя, единственное, что сейчас может Лоренцо Ферретти, это молиться за вас, а выберется — тогда и на колени встанет, не побрезгует.

Дан.

Перед купцом.

За самое важное, что есть в жизни. За уроки мудрости.

Купец — это не просто купи-продай. Есть и такие, но выше торговцев вразнос они не поднимаются. Или держат лотки на рынке... один, ну два. Не больше.

Потому что купец — это информация, связи, подход к людям, знание человеческой природы, умение разглядеть выгоду и для себя, и для партнера по торговле, объяснить, уговорить, убедить...

Данам этого делать не приходится.

Дан приказал — и ему повинуются. Ему не нужно изворачиваться ужом, чтобы выжить. Конечно, так происходит далеко не всегда, но очень и очень часто. Даны над этим не задумываются вообще.

Останься Энцо обычным даном — погиб бы в школе гладиаторов в первые несколько дней. Или был бы продан евнухам со всеми последствиями. И тогда уж...

Энцо предпочел бы покончить с собой, но не возвращаться домой — изуродованным, опозоренным... в таком случае самоубийство не смертный грех, а доблесть. Еще и врагов бы с собой прихватил побольше.

Постарался бы. Клинком, ядом... да хоть зубами и ногтями! Не важно!

Энцо был племянником купца. И за два года Лаццо сумели многое в него вложить.

Школа гладиаторов.

Что в ней ценится?

Что можно продать арайцам?

Да понятно что! Красивую игру! Красивое сражение!

Яркое, непредсказуемое, интересное... Энцо и так хорош собой, и так умеет обращаться с оружием. Если его немножко подучить, можно ставить на бои. И да.

Ставки.

Тотализатор, который был всегда и всюду.

Об этом говорили гладиаторы, об этом знали слуги. В этом разбирался Энцо благодаря Паскуале. Да, и о таком в семье заходил разговор, правда, применительно к скачкам, собачьим боям или петушиным... вот не думал Энцо сам оказаться в роли собаки. Нет, не думал, не хотел...

Но попал и знал, что именно надо делать.

Ценятся не только те псы, которые приносят победу.

Но и те, которые делают это на определенной минуте, к примеру. Ставки бывают разные. На количество ран, на время, на оружие, на... да на что только не поставишь...

А вот чтобы Энцо мог их оправдать — нужно его учить.

Правда, для этого ему уже пришлось убить человека. Меньше месяца назад.

* * *

Начиналось это так.

Школа гладиаторов представляла собой большое трехэтажное здание.

Внутри — двор. Арена. Большая, окруженная рядом скамеек для простонародья и трибунами для важных данов. Для самых важных, буде те соизволят посетить бои, даже ложи предусмотрены.

Как рассказали Энцо, особым шиком считалось выкупить такую ложу для себя и только для себя. На сезон, на год, на два... Но дорого. Зато потом можно с важным видом вручать друзьям ключ от ложи. Или бросить так небрежно в разговор: да, арендовал. Могу себе позволить.

В Эвроне это были, к примеру, кареты с позолоченными колесами или арайские жеребцы... ничего-то от века не меняется.

Когда на арене не проходили сражения, на ней проходили тренировки.

На первом этаже находились казармы гладиаторов. Хотя казармы — это громко сказано. Скорее, помещение на десять–двадцать человек. У каждого койка, под койкой сундучок с кое-какими вещами, хотя бы с той же набедренной повязкой... Больше им на первой ступени ничего не полагается.

Лучшим гладиаторам отводят отдельную комнату. Имущества у них тоже больше. А самых лучших, говорят, даже в город иногда выпускают.

Энцо без усталости расспрашивал слугу, нещадно коверкая слова, и запоминал, запоминал...

Что ж.

Это его шанс — стать лучшим. Чтобы получить свободный... относительно свободный выход в город. Энцо сразу же отметил для себя эту возможность.

Понятно, что все предусмотрено, что он такой не первый умный. Но что ему могут еще предложить? Какая есть альтернатива? Смириться с происходящим? Подохнуть в первом же бою?

Перебьетесь.

Еще на первом этаже содержали животных. В клетках. С животными тоже требовалось сражаться, а иногда и вовсе их расстреливать. Это называлось венацио, и Энцо решительно не понравилось¹.

Ладно еще — убивать людей.

Человек такая тварь, что и с собой что угодно сделает, и с другими. А животных за что?

Просто — за что?!

За то, что волку или кабану не повезло попасться в руки охотнику или в волчью яму? С-сволочи...

Слуга, заметив отвращение Энцо, махнул рукой и сообщил, что бои с животными достаточно редкие. Если попадется серьезный зверь, вот тогда... А просто так?

Не слишком-то это интересно. Так, толпу разогреть, крови налить... животные стоят дорого. Их надо где-то содержать, кормить, убирать за ними, это все затраты, к тому же нет гарантии, что их поймут к определенной дате или что они до этой даты доживут. Могут ведь и просто лечь и сдохнуть в неволе. Всем назло.

Не кормить же льва через высушенное утиное горлышко?

В основном на арене оказываются быки, коровы, буйволы... легко достать, легко содержать. Ну, еще собаки.

---

¹ Развлечение древних римлян: травля животных на арене.
(Прим. авт.)

Энцо это комментировать не стал. Гадко.

На втором этаже жил ланиста, то есть Зеки-фрай. Жили тренеры, которые натаскивали гладиаторов. Жили массажисты, повара... обслуга школы.

Третий этаж был отведен под господские покои. Ну или для визита важных гостей.

На памяти слуги такое случалось два раза.

Хозяин гладиаторской школы предпочитал жить в столице, приезжая или присылая управляющего раз в квартал, чтобы забрать прибыль. А гости...

Ну да, два раза.

Арей-бей и Судат-бей.

Оба этих имени слуга произносил так, словно сюда лично небожители спускались. В обращениях Энцо тоже разобрался.

Фрай — уважаемый. Фрая — уважаемая. Своего рода ньоры. Не аристократия.

Бей — что-то вроде дана. К его женам или дочкам никакого особенного обращения нет. По очень простой причине.

Негодник, который осмелится обратиться... да что там! Просто неуважительно поднять взгляд на местных высокородных дам — поплатится содранной шкурой.

Энцо такое и рядом не надо было. Перебьется...

Да и омерзение у него вызывали местные жители. Польститься на кого-то из арайских женщин?

Лучше уж с козой...

Впрочем, эротические представления на арене тоже давали. Раз в десять дней арена открывала свои двери для всех. И были бои, ставки...

Был окровавленный песок, который засыпали свежим, и тела, которые уволакивали с арены крюками... потом их сбрасывали в море.

А что, хоронить, что ли?

Вот еще не хватало! Пусть рыба подкормится.

Были совокупления женщин с ослами, быками, конями... как правило, они кончались смертью женщины, но для этого дела выбирали или рабынь, которых не жалко, которые провинились, или проституток... последних, конечно, реже.

Отношение к неверным у арайцев было, как к животным. Даже хуже — скотину холят и лелеют, она должна пользу приносить. А неверные...

Этих — не жалко.

* * *

Пять дней он просто отъедался и отсыпался. Осматривался и учился.

На шестой день его подняли на рассвете, вместе со всеми. И — началось.

Гладиатор — это не бока пролеживать. Это тренировка и тренировка, это бег вокруг арены, и попробуй поленишься — сразу тебя кнутом! Это поднимать тяжести, это растяжка, это упражнения с мечом...

Все то, что Энцо проделывал давно и упорно вместе с Чезаре и Леоне.

Спасибо вам, учителя. Выберусь — в ножки поклонюсь!

Подготовка Энцо слегка удивила ланисту, который ожидал худшего. Зеки-фрай подозвал к себе дана и принялся расспрашивать.

Энцо отвечал, по возможности честно.

Да, учился.

Да, сражался. С пиратами, с разбойниками... доводилось убивать. Так что ничего нового ему тут не предложат. Вот тогда и...

Зеки-фрай подумал несколько минут, потом приказал увести Энцо с арены к массажисту, накормить, а потом... вечером...

Вечером Энцо снова вернули на арену.

Не одного.

На арене было сложено оружие.

На арене находился Зеки-фрай. И рядом с ним стояли две клетки.

В одной из них грыз прутья волк.

В другой молча сидел мужчина, посверкивая глазами из густых зарослей.

— Ты понимаешь меня, неверный. — Ланиста говорил на арайском. Медленно, отчетливо проговаривая слова. Так Лоренцо действительно его понимал. А вот говорить пока было сложно, пришлось ограничиться коротким:

— Да, Зеки-фрай.

— Выбери себе противника. Бой до смерти.

— Противника? — Наверное, Энцо выглядел глупо.

— Здесь две клетки. С кем ты будешь драться — со зверем или с человеком?

Энцо даже не задумался.

— С человеком.

Дело было не в его отношении, или в жажде крови, или...

Все предельно просто.

Энцо учили драться с людьми. Не с дикими животными. Не с волками. Там наверняка другой подход, другие движения... этому тоже надо учиться. С человеком у Энцо есть хорошая возможность избежать ран. Если он будет драться всерьез, конечно.

А волк?

Хватанет когтями или зубами цапнет...

Понятно, что ран Лоренцо не боялся. И боли тоже. Если он останется в школе гладиаторов, будет и то, и другое. Но... не здесь и не сейчас. Он должен стать достаточно ценным имуществом, чтобы его предпочли лечить, а не добивать. Вот и весь расчет.

Придется для этого убить человека?

Хорошо, он это сделает. Можно подумать, раньше с ним такого не бывало!

- Человек. Твое оружие?
- Чем будет вооружен он?
- Он выберет. Потом.

Энцо задумался еще ненадолго. Потом остановил свой выбор на паре «короткий меч — кинжал». Выбрал, взвесил...

Да, таким его сражаться учили.

Тоже своего рода проверка. Что выберет новичок, как он умеет этим драться... Щит или кольчуга Энцо, видимо, не полагались. Их на арене не было.

То есть любой пропущенный удар — это ранение.

Плохо, очень плохо...

Пока Энцо размышлял, его противник уже вышел из клетки, расправил плечи, потянулся...

Черт побери! В этого монстра можно двоих Энцо уложить. А то и троих... плохой противник. Массивный, квадратный, длиннорукий... вооружение?

Копье.

И владеет он им весьма неплохо, Энцо это видел.

Его собираются здесь убить? Шансов нет?

Или...

А, нет! Шансы у него есть.

Энцо увидел, что у здоровяка серьезная рана на левом бедре. Считай, он будет медленнее двигаться, он более уязвим с левой стороны... почему его выгнали сражаться с раной? Он провинился в чем-то, или он не ранен, или...

Ладно. Пока Энцо настолько не разбирается в местных тонкостях. Но к Зеки-фраю он повернулся и поклонился еще раз.

- Достопочтенный Зеки-фрай...
- Что тебе, неверный?
- Бой до смерти?
- Да. Один из вас не покинет эту арену сегодня.
- Наказания за смерть противника не будет?

Энцо с трудом подбирает слова, путался, но Зеки-фрай понял.

— Тебя не накажут. Этот сын свиньи не победил в бою...

Дальше Лоренцо можно было не объяснять. Ставки, деньги... проигрыш — считай, потеря и убытки. Вот и расплачивается бородач.

Но ему, Лоренцо Феретти, от этого легче не будет. Придется выложиться, иначе ему не уцелеть.

Зеки-фрай сделал шаг назад — и хлопнул в ладоши.
— Бой!

От первого удара копья Энцо едва увернулся. И тут же копьё вернулось, подсекло его под колени...

Ага, попробовало!

Нашли дурака — подставлять родные ноги! Леоне кнутом его давно от такой доверчивости отучил!

Энцо взвился в воздух, пропуская под собой копьё. И не приземлился на него, вот еще пошлости! Это рассказывать хорошо, мол, подпрыгнул я, и всей тяжестью упал на оружие противника, и выбил его. В реальности такие игры кончатся сломанными ногами. Лоренцо перекатился, разрывая дистанцию. Осторожно закружил вокруг противника, нащупывая другие слабые места...

Нет, только нога.

В остальном — ему бы у этого бородача поучиться. Хороший боец, сразу видно.

Долго Энцо не простоять. Он все же после морского путешествия, он давно не тренировался, а бородач жил в хороших условиях...

Жало копья снова прянуло ядовитой змеей. Энцо увернулся, отвел его клинком, перекатился по песку — но уже ближе к врагу. Не разрывая, а сокращая дистанцию.

Неудобно, так что поделаться?

Надолго это врага не задержало, но Энцо не собирался драться честно. Кинжал он выбрал не просто так — его еще и метать можно.

Понятно, от кинжала гладиатор увернулся. А вот от подлого удара ногами по щиколоткам — уже нет. Энцо попросту упал на спину, ну и как дотянулся, так и дотянулся. Получилось неплохо.

Гладиатор свалился, словно подкошенный, Энцо взлетел с песка — и выбил у противника копье.

Приставил клинок к груди, туда, где бешено вздымались ребра, густо поросшие курчавой черной шерстью. Оглянулся на ланисту.

— Достопочтенный?

Если противник думал, что сможет в это время уйти из-под клинка, — зря. Стоило бородачу шевельнуться, как Энцо тут же пнул его по ране, без всякой жалости. Мужчина глухо простонал, но Энцо заставил себя об этом не думать.

Кукла. Это просто кукла.

Не человек. Ступенька к свободе.

Зеки-фрай медленно показал большим пальцем вниз.

— Убей его, неверный.

Энцо замешкался лишь на секунду. Даже меньше — на долю секунды.

Этот человек ни в чем не виноват лично перед ним. Он такой же невольник.

Но...

Прости, брат. Я бы хотел смерти на твоём месте.

Клинок резко пошел вниз.

Тело противника выгнулось — и опало.

— Точно в сердце, — кивнул Зеки-фрай. — Ты хорошо дерешься и не боишься смерти.

Энцо склонил голову. Потом медленно положил на песок меч, как бы подчеркивая, что его работа — выполнена. Все, оружие больше ему не нужно...

Зеки-фрай довольно кивнул. Хороший раб, выгодный. Сразу видно. По первому разу многие боятся уби-

вать. Приходится давить, настаивать... этот не колебался. Видно, что думал, но не колебался.

— Ты не хотел убивать?

— Мне все равно, — коротко ответил Энцо. — Но это был ценный воин.

— Не ценный. Плохой характер, — кратко объяснил Зеки-фрай.

Энцо молча принял объяснения. Что ж, плохой так плохой. Бывает...

— Почему ты не выбрал волка? Почему человек?

Энцо мог бы сказать многое. Обошелся коротким:

— Волк здоров.

Зеки-фрай расхохотался.

— Ты выбрал добычу полегче? Маленький хитрец... — И снова стал серьезным. — Смотри не обмани сам себя.

Энцо молча поклонился.

Он постарается.

Его ждут дома. А сколько человек ему придется ради этого убить... сколько надо — столько и убьет. Жаль, не тех, кого хочется.

* * *

После первого убийства жизнь Энцо сильно не переменилась.

Он так же тренировался, он так же питался вместе со всеми, он так же учил язык. Получалось плохо, но юноша старался.

И после первого месяца обучения Зеки-фрай сообщил Энцо, что завтра его ждет первый бой.

— Да, Зеки-фрай.

Другого ответа у Лоренцо не было. Даже когда тебе сообщают, что завтра ты первый раз выйдешь на арену... Хочется не хочется, а собственного мнения и желаний у раба не предусмотрено. Увы.

В гладиаторской школе Ваффы Энцо жил уже почти месяц. Обычно здесь новичков столько не держали. Дней десять, пятнадцать — и пожалуйте на арену.

Но...

Зеки-фрай решил, что на Энцо можно хорошо заработать.

А почему нет?

Красивый. Тонкий, стройный, светлокожий, с золотыми волосами...

И при этом отлично сражается! На этом можно сделать деньги, а деньги Зеки-фрай любил, искренне и нежно.

— Ты сегодня будешь драться с провокатором.

Энцо кивнул еще раз.

Провокатор. Плохо...

Провокатором назывался преступник, который был осужден на смерть. Но в отдельных случаях таких не казнили — зачем расходовать материал? Их выставляли на арену, и ценой боя для них была жизнь.

Вооружение?

Средний меч и щит. Больше ничего им не полагалось, никакой защиты.

— Чем я буду драться, почтенный?

— Тем, чем привык, — махнул рукой Зеки-фрай. — Кинжал, меч. Доспехов на вас не будет. На нем — нагрудная пластина. На тебе поножи и наручи.

Энцо кивнул.

Ничего, что могло бы его как следует защитить.

Ничего, что будет сильно отягощать или стеснять движения.

Плохо другое. Ему нельзя метить в корпус. А вот противнику все равно, куда бить. И у противника будет щит...

Метательное оружие сразу отменяется.

Плохо...

А никто и не говорил, что будет легко и приятно! Энцо медленно поклонился.

— По вашему слову, достопочтенный.

Зеки-фрай довольно улыбнулся.

Хороший раб. И бой будет интересный. Он посмотрит с удовольствием...

— Как ты хочешь, чтобы тебя назвали? Прозвище?

Энцо удивленно посмотрел на ланисту. Ему уже было известно: прозвище дает толпа, что он и сказал. Зрители... Зеки-фрай хмыкнул.

— Это потом. Но в первый раз тебя надо как-то объявить.

— Просто именем?

— Нельзя. Неинтересно.

— Назовите сами, Зеки-фрай. Вы лучше знаете, что может понравиться людям, — решил Энцо.

И получил довольную улыбку в ответ.

Зеки-фрай действительно это знал. Золотоволосый юноша станет Ангелом. А для кого-то Ангелом Смерти. Что ж, приятно, когда дилетанты не лезут в твою работу. А то начинается...

Великолепный Лев!

Самум Пустыни!

Дикий Вепрь!

Тьфу, пошлятина. А вот у Энцо может быть большое будущее. Он может принести хорошие деньги, так что...

Зеки-фрай собирался лично проследить за первым боем юного гладиатора.

* * *

— Достопочтенные зрители! Сегодня на арене...

Энцо не вслушивался.

Без него бой все равно не начнется.

Своего противника он не видел. Он с одной стороны арены, противник — с другой. На арену есть несколько выходов, и перед боем тех, кто будет драться, разводят по разным концам. Чтобы не сговорились

или не нанесли друг другу каких повреждений заранее...

Энцо ждал.

Пока ему приходило в голову только одно. Если его не выкупят... а выкупят ли? И когда?

Значит, ему нужно стать любимцем публики. Лучшим гладиатором. Чтобы его отпускали в город.

Выучить арайский, найти себе помощников, может, договориться с контрабандистами... или лучше не договариваться...

Вот ведь!

Почему Энцо не научился ходить на лодке? Не думал, что пригодится, а зря. Один он бы мог уплыть, но ведь не умеет! Ни с парусом управляться, ни с веслами... да-да, грести тоже не так просто, и откренивать лодку, кажется, надо, и в ветрах разбираться, и в течениях...

Иначе над тобой вся Арайя смеяться будет. Пытался уплыть, а утонул. Или вообще — к берегу прибило. Греб два дня, а оказался на том же месте. В Эвроне Лоренцо слышал о незадачливых рыбаках, но не считал, что это и к нему может относиться. А вот...

Энцо не думал, что пригодится, а оно вот как случилось. А умения-то и нет. А доверяться хоть кому из арайцев...

Есть гарантия, что его не опоят, не оглушат, не свяжут, не продадут еще раз? Нет? То-то и оно... Энцо для них неверный, с ним можно что угодно сделать. Хоть шкуру содрать на виду у всех, никто не возразит. Со своим имуществом хозяин что захочет — то и сделает.

— ...Ангел!!!

Слуга толкнул Энцо в плечо.

Не сильно, но чувствительно. Долю секунды гладиатор размышлял, а потом кивнул и встал.

Пора...

Вот и арена. И солнце над головой.

И противник идет навстречу.

Энцо даже не замедлил шага.

Он не знал этого человека, он раньше его не видел.
И потому было чуточку легче.

Они оба сражались без шлемов. Без серьезной защиты — зрители пришли увидеть кровь. Увидеть игру, бой, смерть, убийство...

Энцо краем сознания подумал, как легко броситься к трибуне, взлететь на нее одним прыжком и начать убивать.

Даже не убивать — давить всю эту мразь, словно клопов... только вот нельзя. Вон и арбалетчики... да, гладиаторов справедливо опасались. И не слишком им доверяли. Бывали случаи, когда бой с арены переходил на трибуны.

Еще шаг. И еще...

Противник выглядит достаточно неприятно. Кто-то, видимо, Зеки-фрай, придумал нацепить на него медвежью шкуру, и со спины он защищен. Ее ведь не вдруг прорежешь. Она толстая, она защищает.

И впереди пластина...

Значит, надо бить в ноги, подсекать их, ну и двигаться, конечно... противник слишком увесист, он не сможет танцевать долго.

Только вот и он это понимает. И потому напал первым, перехватывая инициативу, стараясь навязать рисунок боя.

Несколько шагов провокатор почти пролетел. Ударил щитом, тут же рубанул мечом, уже видя перед собой разваленного пополам мальчишку... такого легкого, тонкого, с рассыпанными по плечам золотыми волосами...

Неудобно, хорошо хоть разрешили на лбу перехватить их. Принесли откуда-то обруч с камнем, словно он баба с диадемой. Но сейчас Энцо было не до таких тонкостей.

Чертовы патлы лезли в рот, неприятно липли к потной коже...

Конечно, никаких ударов он не допустил. Отскочил назад, разрывая дистанцию, закружил рядом с противником, стараясь не подставляться, прощупывая... черт!

Его клинок короче!

И руки у него короче, придется сближаться...

Здесь метнуть кинжал не выйдет. Противник защищен, и прекрасно об этом знает. Вот, ухмыляется...

— Порву, мальчишка!

И снова удар.

Энцо спустил его по сильной стороне клинка, до гарды. Получилось жестко, рука слегка онемела. Что ж, выбора нет.

И снова удар.

И еще один.

Все время убежать Энцо не сможет, зрители потеряют интерес. Им надо, чтобы бой, чтобы клинки звенели, чтобы...

Противник попытался ударить щитом в лицо.

Энцо извернулся, поднырнул под сцепленные руки, благо он легкий и гибкий, ударил сам...

Есть!

Первая кровь!

По руке провокатора побежала царапина, расползлась, закапала алым на белый песок...

Противники переглянулись. Это кажется несерьезно. А на самом деле в бою пустячных царапин не бывает. Это кровопотеря, это боль... тело реагирует само, где-то замедлит движения, где-то оступится... теперь у провокатора нет возможности тянуть. Ему надо закончить побыстрее...

Еще удар!

Просто массой... Энцо сбивают с ног, он катится по песку, но именно туда, куда надо. И снова — удар. Кинжалом...

И еще одна царапина пролегает по ноге провокатора, на этот раз изнутри. Энцо ужом проскальзывает за его спину, хватая за шкуру, тянет, что есть сил... Провокатор опрокидывается назад, сейчас он перекатится, сейчас...

В его глаза летит горсть песка.

Ровно секунда нужна, чтобы бросить клинок и зачерпнуть горсть песка с арены.

А чтобы проморгаться, надо хотя бы пару секунд, лучше три или четыре...

Только их никто не даст. Энцо точно не станет делать таких глупостей... удар! Мечом, плашмя, по голове... так тебя! Не убить, но оглушить, это уж точно...

И оглянуться.

Убивать?

— УБЕЙ!!!

Кто закричал первым?

Кто подхватил?

Энцо нашел глазами Зеки-фрая, тот сидел на своем излюбленном месте, там же, где и на тренировках. Убить? Эффектно?

Ответом стало согласное движение руки.

И Энцо резко всадил клинок в живот провокатора. Хотите крови, твари? Боли?! Смерти?!

Смотрите!!! И не говорите, что вы — люди!!!

Несколько минут он дал подонкам насладиться чужой агонией. А потом вздернул врага на колени, прямо так, за шкуру.

И эффектно полоснул его ножом по горлу.

Почему алая кровь чернеет на белом песке?

— Ан-гел, Ан-гел, АНГЕЛ!!!

Толпа редела. С арены уходил юноша, который сегодня получил свое первое прозвище. Пока короткое — Ангел.

Слуги тащили труп, зацепив его крюками, посыпали кровавые пятна свежим песком...

Зеки-фрай довольно улыбался.

Что ж. Парень оправдал его надежды. Был и красивый бой, и эффектное убийство... и прозвище в самый раз пришлось.

Ангел.

Ангел Смерти...

* * *

Вечером Энцо сидел на своей койке. Смотрел в стену.

Угрызения совести?

Тоска? Боль? Сожаление?

В том-то и дело, что ничего подобного он не испытывал. И даже знал, когда это началось. Когда Адриенна... Когда он провел ночь в ледяной воде, а она была рядом. Поддерживала его, шептала что-то успокоительное и умоляла, заклинала об одном.

Ты вернись. Ты только выживи и вернись...

Остальное не важно.

Остальное потом, потом, потом...

Ты придешь, и я вложу свои ладони в твои, и мы отпустим прошлое на свободу. А пока — живи! Вопреки всему!

И Энцо обещал ей.

Рядом уселся кто-то...

Энцо посмотрел без всякого уважения.

Ромео Барбадо. Один из гладиаторов, старше Энцо лет на десять, в школу попал несколько лет назад и пока еще жив. На хорошем счету, несколько раз был ранен, но его лечили. Не из первых, из крепких середнячков. Неглупый, серьезный, старающийся поддерживать со всеми хорошие отношения. Хотя в среде гладиаторов это и не слишком принято: сложно дружить с тем, кого завтра могут выставить против тебя.

Койка прогнулась. Вон какое пузо наел...

Если кто считает гладиаторов такими мускулистыми, стройными и с подтянутыми животами... ой зря! Слой подкожного жира у каждого гладиатора был вполне приличным. И на животе в том числе.

Ячмень, бобы, хлеб, масло — обычный рацион. Кстати, не из дорогих, но все сытное, свежее и достаточно вкусное.

Питались гладиаторы очень хорошо. Тренировались тоже на совесть, но жир — это ведь нужно! И раны тогда не такие болезненные, и, опять же, в такое пузо кинжалом тыкать долго придется, лучше сразу мечом бить.

— Вино будешь?

— Нет.

— А то смотри, у меня есть...

Энцо еще раз качнул головой.

— Нет, сказал же...

— Ты хорошо после боя держишься.

Лоренцо промолчал. Ага, вот он идиот, правда? Ромео в город выходить нельзя. А вино откуда?

А откуда...

У рабов нет друзей. Потому что сидящий рядом человек — такой же раб. Даже хуже... Энцо хотя бы хозяину не нашептывает, а Ромео наверняка. И согласишься сейчас Лоренцо выпить...

Или стоит согласиться?

Нет.

Пороки есть разные, и Энцо для себя уже выбрал. Тот, который будет более безопасен. Вино понижает внимание, расслабляет. У Энцо будет другая слабость, совсем другая...

— Точно не хочешь? — Ромео приложился к кувшинчику.

— Иди отсюда подобру-поздорову, — огрызнулся Энцо. — Сказано же, не хочу!

— И бой у тебя получился хорошим, — не сдался Ромео. — Кто тебя дома учил?

Энцо молчал, смотрел в стену.

Обойдетесь без таких знаний, сволочи. Это — мое...

Через пятнадцать минут Ромео надоело молчание, и он ушел восвояси. Энцо хмуро оскалился и завалился на койку. Сегодня он сделал еще один шаг к своей свободе.

Сегодня он убил еще одного человека. Для зрителей — провокатора, которого все равно приговорили к смерти. А для него — самого обычного бойца, такого же, как и Лоренцо.

И ему на все наплевать. И так будет впредь.

Мия прошла этот путь медленнее. Энцо превратился в чудовище намного быстрее.

Адриенна

— Нет.

— Неужели я так много прошу? — Эданна Сусанна топнула маленькой ножкой. — Мой сын женится!

Дан Рокко положил на стол толстенную амбарную книгу. Причем с видом: «Вот я бы вас ею и треснул!»

Ага, как же... треснуть-то и нельзя. А без этого воздействие какое-то не такое. Неполноценное.

Остановить эданну Сусанну какой-то кро-охотной книжечкой? С тем же успехом можно было останавливать ею землетрясение или извержение вулкана.

— Эданна Сусанна, в январе вы потратили двенадцать лоринов на плащ...

— Я не могу ходить, словно нищенка!

Плащ темно-зеленого бархата с куньим мехом действительно выглядел потрясающе. Стоил соответственно.

Адриенна, кстати, себе такого не позволяла. У нее был старый суконный плащ с волчьим мехом, вот его она и носила. А перед кем тут шиковать? В провинции?

К тому же... плащ должен быть добротным, теплым и уютным. Что она и получала за свои деньги, и была довольна.

Дан Рокко методично перечислял траты.

Эданна Сусанна постукивала ножкой по полу, дожидаясь его молчания. Наконец дан Рокко выдохся, и эданна подвела итог:

— Найдите еще деньги!

Скрипнула дверь. В кабинет вошла дана Сиблевран.

— Что случилось, эданна?

За это время Адриенна сильно вытянулась, повзрослела... что-то и в ней та ночь поменяла. И месяц болезни. Еще месяц после она ходила как привидение, а потом рванулась в рост.

Развернулись плечи, проклюнулась маленькая, но вполне отчетливая грудь... четырнадцать лет. В другой семье ее бы и замуж уже отдали.

Лицо стало более взрослым, резко выделились скулы, подбородок, взметнулись черными дугами к вискам тонкие брови...

Адриенна становилась копией Сибеллинов. И — хорошела.

Классической красотой это назвать было никак нельзя, сейчас в моде светлые или рыжие волосы, брови в ниточку, высокий лоб...

Но каждый, кто видел ее, поневоле замирал.

Восхищался?

Опасался?

Так, наверное, человек глядит на полосу синеватой булатной стали. Опасное, хищное, умное совершенство.

Впрочем, будь ты хоть каким совершенством, а денег дай! Эданна Сусанна считала совершенно искренне, что Адриенна должна. Вот должна — и все! Причем должна именно все. Деньги, люди... да не важно, что именно! Что эданне Сусанне нужно, то Адриенна

и должна ей дать! И окажись перед ней Моргана... да хоть все Сибеллины разом, эданна своего мнения не поменяла бы!

— Свадьба, — вздохнул дан Рокко.

Адриенна посмотрела глазами измученной кошки. Очень выразительно, жаль, безрезультатно.

— Эданна Сусанна, у нас нет денег..

— Адриенна. — Сусанна уперла руки в бока. — Ты не понимаешь! Свадьбу мы провести в СибЛевране не можем! Значит, нужно ехать в Маньи! Ехать не абы в чем! Нужна новая карета, нужны кони, и не твои тяжеловозы, а хорошие, нужен новый гардероб, причем и мне, и Леонардо, и Марку, да и тебе тоже...

— Мне?

— Ты тоже едешь!

— Нет, — коротко ответила Адриенна.

Лицо у эданны Сусанны стало вовсе уж злым.

— Ты хочешь сорвать свадьбу моего сына?!

Адриенна аж дернулась от такого жуткого предположения. Вот уж не дай бог! Заберите его отсюда, пожалуйста! И побыстрее!

— Не хочу.

— Тогда мы все едем в Маньи!

— Но я... у меня дела!

— Дан Рокко прекрасно с ними справится.

— Он хотел поехать к родным, — защищалась Адриенна.

Ага, переспорить эданну Сусанну? Не в этом возрасте! Ой не в этом!

— Осенью поедет! Попозже! Как раз к рождению внука успеет!

Ну да. Выйдя замуж, Джас тут же и забеременела. А чего откладывать? Теперь все трое — она, Антонио и Анжело ждали ребенка. Ну и дан Рокко — тоже.

Это ведь замечательно! Род прибавляется!

— И я просто...

— Так и скажи, что боишься, — припечатала эданна Сусанна.

— Не боюсь, — огрызнулась Адриенна. — Просто не хочу...

— Вот и отлично. Едем все вместе. Семей, — надавила эданна. — Итак. Карета, кони, гардероб, подарки... да и свою долю внести надо, пир хоть и будет в Маньи, но... вот как дан Каттанео...

Адриенна что есть сил треснула амбарной книгой по столу. Столбом взвилась пыль.

— Эданна Сусанна!

Бесполезно.

Пришлось торговаться.

* * *

— Кошмар какой-то. Вот где деньги брать? — возмущалась Адриенна. Она бы эданну Сусанну с сыночком вообще выгнала с огромным удовольствием, но — нельзя. Законы. Мачеха. Поэтому придется вкладываться в свадьбу.

— Ну... Леонардо мы спихиваем в Маньи, — философски заметил дан Рокко. — Все экономия.

— Небольшая. На свадьбу больше потратить придется. Часть припасов привезем, понятно... но ведь тоже — деньги! Ладно еще рыба, она хорошо плодится. Ну, зерно у нас осталось, специально больше закупали. Дичь можно самим добыть, леса у нас хорошие! Но всякие разносолы? Фрукты? Дан Рокко, ну за что?! А тряпки?! Казалось бы, возьми да пошей, раз тебе новое платье нужно! Так нет же! Модистка! Портниха! А сколько это стоит?! Сами бы и десятью лоринами обошлись, а модистка все пятьдесят запросит! За одно платье! А надо минимум пять! И Леонардо, и отец...

— И вы, дана.

— НЕ ХОЧУ!!!

— Дана Адриенна, а придется. Деньги у нас есть...

Адриенна вздохнула.

Ну есть. Ладно уж...

Его высочество не был ни полным дураком, ни абсолютной сволочью. Да, ему не хотелось жениться, ему не нравилась Адриенна, он вообще любил другую. Но что с того?

В романах тоже любят одних, женятся на других, спят с третьими, и, заметим, практически все герои при этом довольны. Механизм давно отработан.

А потому...

Не придумал он, что подарить невесте. И по-простому прислал ей кошель с лоринами и вежливое письмо, смысл которого заключался в простых словах: мол, сама купишь, что надо и что пожелаешь.

Но ведь принц! На любовницу меньше тысячи тратить зазорно. А на невесту?

Так что у Адриенны было две тысячи лоринов. Которые она пока и не потратила. Громадная же сумма! Если вот так, сразу...

Если подумать, те же Лаццо за год тысяч двадцать–тридцать зарабатывают. Но у них и налоги, и расходы, и в дело вкладывать. А ей вот просто так дали. И она хотела эти деньги вложить!

Вло-жить!

Не растренькивать на эданну и ее сыночка, век бы того не видеть...

Хорошо еще, с каретой и лошадьми сошлись. Адриенна рывкнула даже, в запале, что она поедет как есть. А если эданну что-то не устраивает... вот пусть сама повозки и тянет!

Но минимум тысяча лоринов на все это улетит!

Это хорошо еще, есть подарок принца! А если бы пришлось самой деньги из бюджета выкраивать? Да Адриенна за год на себя и пятидесяти лоринов не тратила!

За год!!!

А тут зараз и предлагается в пять раз больше потратить! На барахло!!! А она еще растет!!!

Выброшенные деньги! И все этим сказано!

— Эданна, пошить тоже можно по-разному, — предложил дан Рокко. — Так, чтобы потом можно было... там, не знаю... рукава и подола подлиннее сделать — да подшить, платью со шнуровкой, чтобы потом распускать... Я тогда столько не зарабатывал, а девочек одевать нужно было. Супруга моя и заботилась... что-то такое я помню. Хотите — Джачинте напишу? Она подскажет, она во всем этом лучше разбирается...

Адриенна кивнула.

— Ладно, дан Рокко. Я поговорю с портнихой. Но подарки...

— Дана Адриенна, у меня есть одна идея...

— Идея?

— Конечно. Лошадь — чудесный подарок, — улыбнулся дан Рокко. Только масть подберите для невесты. Для нее белую, для него, скажем, вороную, и преотлично будет. СибЛевран, считайте, хорошо отдарится...

— А...

— А сбрую и седло закажем у местного шорника. Я ему дам вот то, которое вам Тоньо подарил, пусть посмотрит и под него сработает.

Адриенна почесала кончик носа.

— Он так сможет? Там же тонкая работа...

— Дана Риен, да кто там на тонкости смотреть будет? Выделим ему серебро и бархат, и пусть ляпает, лишь бы пороскошнее...

Адриенна подумала пару минут и кивнула. Пожалуй, что... и дорого выйдет, и роскошно, и отговориться можно всегда.

— Давайте так и сделаем, дан Рокко.

— Уже расходов и поменьше?

Адриенна скрипнула зубами.

— А я еще и так скажу. Мы когда в Альмонте были, я поговорил кое с кем... знаю лавочку, в которой вам хорошие ткани продадут подешевле. Так что платье не в пятьдесят лоринов выйдет, а, скажем, в тридцать, может, и того меньше...

Адриенна едва дану Рокко на шею не кинулась.

— Ох, дан! Что бы я без вас делала?

— А что бы делала без вас моя дочь? Мой внук? Да и меня уже не было бы, — резонно ответил дан Рокко. — Вы не переживайте, дана. Справимся, не та это беда, чтобы горевать, а та, чтобы горе избывать.

Адриенна и спорить не стала.

Избывать?

Вот работой его избывать и будем. И попробуйте только кто сказать, что дане не подобает! Утоплю!

В родном пруду!!!

Мия

На скамейке в храме скорчилась, съежилась грустная фигурка. И столько в ней было боли, столько отчаяния...

Падре Норберто Ваккаро провел службу как должно и людей принял как положено.

А Мия все сидела и сидела... она долго не могла решиться прийти сюда. Очень долго. Сил не было ни на что. От девочек она вообще не отходила.

И Джакомо ее не трогал. Давал время пережить горе. Ладно, у него так не было, когда он про Пьетро узнал. Но то другое. А вот когда мама умерла... мать Джакомо любил. Одну, из всей семьи...

Пусть Мия переживет свое отчаяние, пусть переболеет этим, как чумой, а потом уж можно будет и новое задание ей давать.

Мия и «болела».

Каждую ночь она видела Энцо во сне. И ощущение-то было... все у него в порядке! Все хорошо! А просыпалась и вспоминала... и вот этот конфликт рвал ее душу и разум на части. Она и в храм-то сообразила прийти далеко не сразу, была уверена, что Господь ее не услышит. Но потом вспомнила про падре Ваккаро.

Подумала...

Ладно — она. А за Энцо попросить?

Это же другое! И Мия отправилась в церковь.

Кажется, она даже времени не ощущала. Сидела и молчала, погруженная в свое горе, свою боль, свое отчаяние. Наконец падре смог подойти и присесть рядом с ней на скамеечку.

— Здравствуйте, дана.

— Здравствуйте, падре... — тихо ответила Мия.

— У вас горе.

Падре даже не спрашивал — утверждал.

А чего тут думать? И синяя лента в волосах, и тоскливые глаза, и само... ощущение, что ли? Когда столько лет в храме... поневоле научишься людей понимать. Они ведь сюда все несут.

Горести, радости, проблемы, решения...

— Горе, — тихо отозвалась Мия. — Мой брат... я не знаю, погиб он или нет. Он пропал без вести, в море... тела не нашли, но и выжить, говорят, он не мог. Никак не мог...

Падре взял ледяную руку, сжал...

— Молитесь, дана. Молитесь за него как за живого.

— Вы думаете, падре?

Мия и сама говорила себе, что не верит, что он жив, жив, ЖИВ!!! Но когда рядом с тобой это кто-то произносит, становится легче.

— Надежда остается всегда. Даже там, где нет ни тьмы, ни света, есть надежда.

По бледным щекам Мии побежали слезы. Впервые.

Не крик, не вой, не стон... она впервые смогла заплакать.

— Я иногда думаю, что это мое наказание, падре. Я была плохой... я и осталась плохой. Я нарушаю заповеди и буду нарушать их впредь. И Энцо умер.

Падре только вздохнул.

Вот вроде и умные люди... а все равно — такие дети!

— И что вы делать собираетесь, дана?

Мия независимо дернула плечом.

— Я не знаю.

Пальцы у падре Норберто были теплые. А у нее — ледяные. И она постепенно отогревалась рядом с ним. Только вот боль не уходила. Сидела под сердцем тупым гвоздем, свербела...

— Вы теперь грешить не будете? — ласково уточнил падре.

— Буду. — Мия даже не сомневалась в своем ответе. Дядя не поймет, решит она страдать и плакать. Тем более отказываться от заказа. Какое-то время ей отдохнуть дали, но девушка даже не сомневалась — недолгое. На земле живем, не на небе.

Да ей и самой деньги нужны были.

Ремонт домика на Приречной-поперечной проделал в ее финансах определенные... дыры. Это ж и рабочие, и материалы, и все проплатить надо, а тридцать процентов еще и на воровство скинуть. Может, и чуточку поменьше, но все равно — своруют! Хоть ты с топором над ними стой! Хоть как!

— Вот видите. Вы всерьез считаете, что за ваши грехи вас Бог наказал, отняв вашего брата?

Мия хлюпнула носом.

Как-то это неправильно звучало...

— Вот-вот, дана. Наказывали бы вас, коли уж грехи — ваши.

— Мне ведь и больно?

— А когда б вы заболели, или скрючило бы вас, или искалечило... Бог ведь всемогущ, нашлась бы и на вас подходящая болезнь, — предположил падре.

— Ну... не знаю.

— Все мы думаем, что мы-то и есть самый центр мира, дана. И без нас ничего не будет, ни солнца, ни звезд...

— Может, и будут, — буркнула Мия. — Я их уже не увижу.

— Будут, дана. Вы мне поверьте, ваши грехи — они ваши и есть. Никто их у вас не отберет. И на другого человека не навесит, чай, не ручная кладь, чтобы с одного осла на другого переваливать.

Мия представила себя и Энцо в виде двух осликов и улыбнулась. Пока еще краешками губ.

— А...

— А ваш брат — другой человек, и дорога у него своя, и грехи свои, и дела тоже свои. Если послано ему испытание, так оно ему и послано. Не обольщайтесь, ваше у вас еще впереди.

— А почему мне больно уже сейчас? Если испытание впереди?

— Потому что вы — живая, дана.

Мия невольно фыркнула.

— Была б я мертвая, не пришла бы.

Падре Ваккаро улыбнулся. Ну все, шутить начала дана, улыбаться... отгад! Никуда не денется...

Когда с нашими близкими случается беда, мы ведь воспринимаем это иначе. Мы спрашиваем, в чем виноваты МЫ! Потому что больно НАМ, потому что своя рана тяжелее, сильнее свербит...

Чужую боль мы воспринимаем через призму своего эгоизма. Вот и весь ответ...

А если еще мы чувствуем за кого-то ответственность, думаем, что не уберегли, не защитили, не позаботились... вот так с Мией и произошло.

Это падре и попробовал объяснить Мие, понимая, что совет «молиться и все пройдет» ей ни к чему. Слишком деятельная натура. Слишком умная...

Мия внимательно слушала. А потом подвела итог:

— Падре, вы можете помолиться за моего брата?

— Могу, дана. И вы приходите... помолимся вместе.

— А можно...

— Можно и сейчас.

Падре взял Мию за руку и подвел к иконе. Первый опустился перед ней на колени.

— Господь милосердный...

Мия сложила руки, посмотрела на икону.

Как молиться? Какие слова найти, когда привычные не дарят облегчения? Когда молитвы кажутся громоздкими, тяжеловесными, неудобными...

Мия не могла найти слов. А падре нашел их. И все было правильно, потому что она просила...

Она просила для себя. А падре молился за человека, которого даже ни разу не видел. Не для Мии, а просто — для Энцо.

Пусть смилуется Господь, пусть Лоренцо Феретти останется жив, пусть все будет хорошо...

И Мие казалось, что Господь его слышит. Ее, наверное, нет, она не заслужила. А вот падре — обязательно слышит.

И на душе становилось чуточку легче.

* * *

Домой Мия хоть и не летела, но шла вполне спокойно. Даже улыбалась...

Энцо жив. Она это всем своим существом чувствует. Он пока не может дать о себе знать, но братик жив, жив, ЖИВ!!! А падре Ваккаро за него помолится. Больше Мия пока сделать не может ничего.

Джакомо придирчиво осмотрел племянницу.

— Мия, я смотрю, тебе полегче?

— Да, дядя.

— Отлично. У нас есть заказ. На выезде. Пройдем в мой кабинет?

— Конечно, дядя.

Мия понимала, что так лучше. Поедет она, развеется немного.

В кабинете Джакомо устроился в кресле, кивнул Мие на второе.

— Ты сможешь сейчас... работать?

Мия прислушалась к себе. Джакомо спрашивал о другом. Сможет ли она контролировать себя, сможет ли превращаться... все же метаморф сильно зависит от своих эмоций. А она вся была никакая... просто — никакая.

— Да, дядя. Я смогу.

— Это хорошо, — кивнул Джакомо. — У нас есть заказ на эданну Фабиану Маньи.

— Так? А подробности? Что за эданна, что требуется от нас?

— Эданна Фабиана Маньи, возраст... нет, не помню, лет двадцать пять, может, чуть побольше, — пожал плечами Джакомо. — Ситуация там простая. Ее супруг, дан Маньи, оставил двоих детей и вдову несколько лет назад. А еще наследство. Наследство там состоит из двух частей. Собственно поместье Маньи — достаточно большое, хорошее, способное приносить доход. Оно отошло к сыну дана Маньи.

— И?

— И деньги. Вторая часть наследства — деньги, Мия. Эданна собирается замуж за молодого парня, естественно, тратить деньги она будет на него и на себя.

— А на кого надо? — неприязненно уточнила Мия.

— По мнению ее свекрови — на поместье и на детей.

— Хм...

С этим спорить было сложно. Мия думала примерно так же.

— Эданна Маньи считает, что если... то есть когда Фабиана выйдет замуж, ни монетки никто не увидит. Кроме того, молодой муж выразил горячее желание забрать детей у бабушки.

— Та-ак...

— Да. Она тоже подозревает, что, это неспроста. Более того, подано королевское прошение, и дан Леонардо Манчини желает взять фамилию Маньи.

— Манчини...

Мия задумалась. На ум ничего не приходило...

— Ты не в курсе истории, и я не стану ее рассказывать полностью, — отмахнулся Джакомо. — Просто мать у дана Леонардо — записная шлюха. И фамилию... вряд ли даже она знает, от кого ее сын. Старый Манчини дураком не был, и его семья мальчишку тоже не признала.

— Ага...

Смысл Мия поняла.

Если семья мальчишку не признала, а фамилию он носит... издеваться над ним, конечно, не будут. В глаза. А вот за глаза шепоток идет, его не заткнешь и не уймешь. И желание поменять фамилию у него, понятно, есть. Чтобы не видеть глумливой ухмылочки на лицах людей.

Важно ведь и как посмотрят, и как улыбнутся... и за взгляд не вызовешь на дуэль. Это просто взгляд.

— Я знаю, такие решения должен согласовывать его величество... это долго.

— Не в данном случае. Эданна Манчини, мамаша дана Леонардо, является подругой эданна Вилецци. А эданна Вилецци...

— Активно греет постель его высочества, — кивнула Мия. — Я помню.

— Ну, в последнее время у нее появилась конкурентка, — хмыкнул дядя. — Между прочим, дана Алес-

сандра Карелла очень похожа на тебя. На ту, которую видел принц.

Мия пожалала плечами.

Похожа — и что же? Она совершенно не собиралась являться в гости к его высочеству. Было и прошло. Ей даже в бордель наведаться не хотелось. Вообще не хотелось иметь дела с мужчинами.

Зачем?

Каких-то невероятных чувств она не испытала, просто знала, на что способно ее тело. И достаточно.

Джакомо кивнул то ли Мие, то ли своим мыслям. Все же он не ошибся, когда предложил девушке такое решение. А то юные девицы или начинают романтизировать сношения, или, наоборот, — шарахаются от каждого мужчины. А тут..

Было, попробовала, теперь относится ко всему спокойно. Приятно смотреть.

Идеальное оружие растет. Просто идеальное.

— Так вот. Прощение удовлетворяет быстро. Свадьба состоится осенью. Точнее, в конце лета...

Мия кивнула.

— А нам когда надо поработать?

— Нам уже надо выезжать в Маньи.

— Зачем? — удивилась Мия. — Если до свадьбы еще месяц?

— Дело в том, что нам заказали несчастный случай ДО свадьбы. И очень просили не привлекать к нему внимания.

Мия задумчиво кивнула. В принципе понятно. Если эданна помрет после свадьбы, муж все равно будет наследником. В этом ничего хорошего нет. Деньги из семьи уйдут.

А вот если ДО свадьбы...

Бывает, горе-то какое... сердце не выдержало, печень отказала... тут надо смотреть, что именно у эданной не в порядке.

— Хорошо, дядя. Я только вещи соберу... Когда нам выезжать?

— Хоть завтра. Я готов.

Мия кивнула. И отправилась собирать вещи.

* * *

Сестренки проскользнули в дверь, когда она укладывала в сундук несессер с ядами.

Да, Мия начала собирать свою коллекцию. Что-то дарил ей Джакомо, что-то она покупала самостоятельно, на что-то расщедрился Комар.

После того как его величество изволил употребить Осьминога самолично, Комар подгрёб под себя примерно пятую часть его наследства. И собирался увеличить долю.

Мия к этому, конечно, никакого отношения не имела, ходили слухи, что Осьминог (вот полудурок-то!) полез в политику. А туда никому нормальному не надо, это уж точно.

Грабь, режь, убивай... но стоит тебе влезть в придворные интриги — и все. Конец.

Но если Осьминог об этом не знал, кто ему лекарь?

Комар же, лишившись соперника и приобретя деньги, был благодушен и щедр на премии. Особенно за удачно выполненную работу.

— Мия, ты уезжаешь?

Серена, как старшая, начала первой. Джулия просто смотрела.

— Да, сестрички. Я ненадолго, может, на месяц.

— Не в море?

— Нет, — тут же успокоила их Мия. — И я собираюсь вернуться.

— Энцо тоже собирался, — хлопнула носом Джулия. — Мия... это обязательно? Уехать?

Мия только головой покачала.

— Серена, Джулия, вы уже взрослые, — начала она, аккуратно подбирая слова.

— Да, — похвасталась Серена. — Дядя говорит, что года через два-три меня и замуж выдавать можно.

Мия пожала плечами.

В принципе, четырнадцать лет... кого и раньше выдавали. Но это мы еще подумаем и абы кому сестру не отдадим.

— Вот. А приданым кому-то из вас станет Феретти...

— А тебе, Миечка?

Мия качнула головой.

— Я не уверена, что выйду замуж. Но не в этом дело. Нам с дядей надо съездить в Феретти, посмотреть, как там идут дела.

— Там же управляющий? — удивилась Джулия.

Мия потрепала младшую сестренку по темным волосам.

— Запомни, солнышко, никогда не доверяй управляющему. Всегда все проверяй.

— Хорошо. А дяде?

— Никому.

Джулия серьезно кивнула. Интересно, запомнит, нет? А, не важно. Мия будет рядом и присмотрит. И за сестренками, и за их мужьями... никуда они не денутся.

Жаль, что про зеркало мастера Сальвадори пока узнать ничего не удастся. Но это терпит. Она еще найдет время...

И Мия принялась укладывать в сундук бархатную пелерину.

О том, что Энцо тоже не планировал ни исчезать, ни пропадать, она старалась не думать. Ни к чему. Она точно не исчезнет.

Нет у нее такого права. Девочки и так лишились отца, матери, брата... даже нянька вышла замуж! Мия обязана остаться в их жизни. До замужества — обязательно. А потом у них и поважнее дела найдутся. Стоит

только на Марию поглядеть — и сразу ясно. Семья не оставит времени ни на что другое. Еще и суток мало-вато окажется.

Адриенна

Дни до отъезда!

Минуты, секунды...

Адриенна хоть что готова была считать! Сил не было никаких!

Маньи, черти б его побрали со всеми обитателями! Гр-р-р-р-р!!!

Ладно, не со всеми. Сын и дочь эданной Фабианы, Адриано и Анунциата, были вполне очаровательны. Милые, умные, воспитанные дети, поговорить с которыми было Адриенне только в радость.

Старая эданна Маньи тоже нравилась дане Сиблевран. Она не лезла в личную жизнь невестки, не оплакивала мужа и сына... она просто занималась воспитанием внука и внучки.

Девушка это одобряла. Было в таком подходе нечто... правильное.

Эданна Диана не могла изменить происходящее, не могла вернуть тех, кто ушел. Но ее забота и любовь были нужны тем, кто остался. И она щедро уделяла их внукам.

На Леонардо и Сиблевранов она смотрела как на компанию особо жирных глистов, которые заползли в ее дом. Адриенну это злило, но что, что она могла сделать?!

Бегать и орать, что она не такая? А поверят?

Вот для всего мира она именно такая. Как Сусанна, как ее сыночек, как... та же Фабиана. Это дан Марк ничего не замечает, глядя на выдающийся бюст своей женушки. А она видит. И Адриенне жутко неприятно подобное к ней отношение.

Вроде как кто-то воровал, а ты рядом постояла, вот на тебя подозрение упало. И не отмоешься...

Само поместье Маньи было достаточно роскошным и богатым. Не королевский дворец, конечно, но и не СибЛевран. Ковры на полу, бархатные портьеры...

Уже на второй день Адриенна достаточно близко подружилась со слугами, которые и рассказали ей, что эданна Фабиана... так-то она человек неплохой, и свое приданое у нее было. Но после смерти мужа она вовсе уж распустилась. Старой эданне это не по нутру, но денег у нее нет, Фабиана ее терпит, пока эданна Диана ее детьми занимается, а если что не так — отправит свекровь во вдовый дом. Без разговора...

Адриенна подумала, что это жестоко. Но не ей чужую жизнь обсуждать, со своей бы разобраться. И старалась особенно никуда не лезть.

Зачем?

Ей и так было неплохо. Тишина, покой, библиотека, которая в Маньи была намного лучше, чем в СибЛевране... даже библиотекарь был. Адриенна договорилась с ним насчет списков с некоторых книг. Старых, еще сто — сто пятьдесят лет тому назад написанных...

Дорого?

И так потратились! Чего уж по волосам плакать, когда головы лишился?

Пока одно, пока второе... считай, полторы тысячи лоринов как корова языком слизнула. Она бы и больше пролизала, но повезло. О королевских подарках никто, кроме Адриенны и дана Рокко, не знал. Не то чтобы специально скрывали, а так получилось.

Прибыл гонец, привез пакет для даны СибЛевран...

Тут даже дан Марк посчитал, что пакет Адриенна должна открывать сама и в своей комнате. А девушка, когда увидела деньги, решила посоветоваться с даном Рокко.

Прилично ли принимать такие подарки?

Подобает ли дане?

Оказалось, что не особенно, но после помолвки — можно. Помолвка — это, считай, как свадьба, вы уже почти муж и жена, только еще не... не подтвердили брак. Поэтому муж может давать деньги супруге, ничего страшного в этом нет.

Но если супруга умна, она не будет всем подряд о них рассказывать.

Адриенна и спорить не стала. Зачем?

Она промолчит, а потом что-то полезное в хозяйстве купит. Или еще один пруд зарыбит. Или с ньором Лаццо поговорит... тоже дело!

Что-то на ярмарке купить подешевле, а в столице продать подороже. Вот и будет хорошо.

Теперь уже и советоваться смысла нет. Ни к чему. Пятьсот лоринов — хорошие деньги, но могут и еще траты быть.

Одни платья чего стоили!

Хотя выглядела Адриенна отлично. Пастельные тона, которые подобает носить юным данам, ей решительно не шли, и она заказала платья из тканей насыщенных, ярких цветов. Темно-синий, черный, белый, темно-зеленый, вишневый...

Даже эданна Сусанна признала, что Адриенна выглядит в них красавицей. Она тоже не осталась без обновок, но это понятно.

А вот кто сильно беспокоил девушку — это Леонардо.

Казалось бы — тебе чего? Ты своего добился, вот богатая невеста, обхаживай ее, женись и радуйся. Но... то ли они наконец оказались в постели. То ли Леонардо начал понимать, что его ждет...

Адриенна не знала ответа.

Но дан Манчини словно бы раздвоился. Днем он был очарователен и великолепен, он старался обаять

всех, включая детей и эданну Диану, он улыбался и играл на лютне, он танцевал и рассыпал комплименты.

А вот когда его не видели...

* * *

Адриенна тоже ничего бы не заподозрила. Все получилось само собой.

Она сидела в беседке, в саду. Беседка эта ей нравилась тем, что была живой. То есть несколько скамеек и прутья, обильно перевитые виноградной лозой. А лозы можно раздвинуть, можно выйти из беседки в любую сторону, а можно и просто сорвать гроздь винограда и жевать в свое удовольствие. И читать книгу.

Адриенна так и делала.

С тех пор как она приняла свое наследие, ей было в таких местах хорошо и спокойно. Тянуло на природу, на воздух, на волю... и, наоборот, раздражали каменные стены. Сиблевран — другое, там дом. А вот что она в королевском дворце делать будет?

Адриенна старалась пока об этом не думать. Можно отдохнуть здесь и сейчас?

Делаем!

Когда на дорожке заскрипел гравий, ей даже не надо было выглядывать. Отодвинула виноградный лист — и вот он! Леонардо, во всей красе, идет к беседке.

Один.

Встречаться с даном ей совершенно не хотелось, так что Адриенна встала на четвереньки (совсем неподобающим образом) — и юркнула под скамью, не забыв прихватить с собой книгу. Там раздвинула лозы — и выскользнула из западни. Сейчас Леонардо усядется, а она отползет подальше и удерет.

Так делать нельзя?

Может быть. Но и встречаться лишний раз с человеком, который вызывает у тебя отвращение, тоже не хочется. Да и о чем с ним разговаривать? Портить

хороший вечер формальными гладкими фразами? Лицемерить? Терпеть гадкое существо, когда хочется посидеть в тишине и почитать?

Лучше уж спрятаться и переждать, как непогоду.

Ее увидят?

А вот и нет, ничего не увидят... Адриенна погладила виноградную лозу по корням, быстро шепнула первое, что пришло в голову:

— Скрой меня...

И даже не удивилась, когда налетел легкий ветерок, шевельнул ветки, растопырил кустарник... благо она была удачно одета, в темно-зеленое. То ли девушка, то ли трава проросла... не понять! И не отличить.

Адриенна знала: если она захочет удалиться, Леонардо ее не увидит. Если не выглянет из беседки в эту конкретную минуту.

А может, он сам уйдет?

Ладно, она немного подождет. Сейчас ее точно не заметят, если не двигаться.

Леонардо вошел в беседку, огляделся, помолчал пару минут, а потом вдруг принялся ругаться. Да так грязно и гадко, что Адриенна штук десять новых слов узнала. И отползти потихоньку не получалось: мужчина топал ногами, бесился, даже несколько раз скамейку и столбы беседки пнул, хотя они точно ни в чем не виноваты...

И с чего это он? Почему его так разобрало?

Уже потом, спустя минут двадцать, когда Леонардо таки отвел душеньку и вышел из беседки, Адриенна смогла выползти наружу. Еще и порадовалась.

Кого-то другого могли бы заметить. А ее... ее — нет. Она же Сиблевран... плоть от плоти этой земли, суть от сути.

Отвод глаз?

Нет. Просто она попросила помощи. Как смогла, как сумела. И трава, деревья, кусты — помогли. Скрыли девушку от чужих глаз.

Приятно.

Кто его знает, что так разозлило Леонардо. Но ей бы он точно гадостей наговорил и настроение испортил надолго...

Нет уж!

Адриенна без такого обойдется!

И выяснять, что с ним не слава богу, она тоже не будет. Пусть эданна Сусанна бегаёт, это её сын... шепнуть ей пару слов? Адриенна подумала над этим, но потом решила не лезть и промолчать.

Ни к чему.

Её сын, её дело. Не Адриенны, не Сиблеврана. Сами, пусть все — сами! Адриенны тут и рядом не было. Вообще. Точка.

Глава 2

Лоренцо

Энцо не считал дни, которые провёл в плену.

Зачем?

Если начать их считать, получится вовсе уж страшное число. Каждый день несвободы идет за год. А то и за два.

Это день, в который ты смотришь утром на небо и понимаешь, что ты — вещь. Вот как плащ или сапоги... И сделать с тобой можно что угодно. Что хозяину изволится...

Впрочем, Энцо уже был ценным плащом. Или сапогами. Полезное имущество, нужное.

На арену он выходил стабильно — три раза в месяц. Исключение было сделано только один раз, когда на тренировке Энцо не успел увернуться, и получил трезубцем по ребрам.

Сильно.

Он еще не привык сражаться с ретиариями. Леоне обучал его против кнута, а вот против сети... приходилось узнавать многое.

Энцо усиленно тренировался, выкладывался до доньшка, но... опыт!

Учителя школы натаскивали его не просто на поединок — на эффектный поединок. С человеком, который вооружен любым видом оружия. Раньше-то у Энцо такого не было!

Ну, меч, кинжал, щит, кнут... метательные ножи...

Но не все подряд!

И не поединок! Очень большая разница подходов. И Цезаре, и Леоне учили его, как убить врага эффективно и быстро. А на арене требовалось убивать эффективно и медленно. Считай — все заново, переучиваться.

А еще на арене был громадный разброс вариантов для поединка. Ты не знаешь, кого против тебя выставят, но должен быть готов ко всему. Есть, конечно, стандартные пары, к примеру, того же ретиария часто выставляли против секутора, мурмиллона против фракийца...¹

Но это — не обязательство.

Это просто возможность. Фракийца могут выставить против мурмиллона, а могут и против гоппомаха.

Эквиты (на конях) сражаются между собой? Конечно. Но если есть провокатор, то могут и на него поохотиться. Так, к примеру. А провокаторы вообще могут быть вооружены чем угодно, в зависимости от желания ланисты.

Тем не менее к Зеки-фраю у Лоренцо претензий не было.

Самое забавное, что именно так. Сначала Энцо бегал, просто убить мечтал покупателя. А потом при-

---

¹ Тоже римская классификация, в зависимости от типа оружия.
(Прим. авт.)

гляделся внимательнее. И изменил свое отношение. Зеки-фрай не был дураком, а Лоренцо уважал умных людей.

Как только ланиста понял, что ему в руки попал алмаз, которому просто требуется огранка, он переменял свое отношение к Энцо.

Хороший воин — большая редкость.

Ну да, кто-то из гладиаторов сражается по найму, и они неплохи в своем деле, кто-то сражается, потому что он раб... и среди них тоже таланты встречаются. Но Энцо...

Ланиста впервые видел такое идеальное сочетание.

Отличная физическая подготовка, привыкание к любому виду оружия, ну вот практически — сразу! Да что там!

Чтобы овладеть той же сетью, людям по несколько лет требуется!

Кто-то думает, что так все просто? Да гладиатора год готовят! А то и больше, прежде чем выпустить на арену.

Кстати, во многом это определяет питание. Ладно еще рыба — в приморском городе она не слишком дорога. А вот вдалеке от моря...

Да, злаки, овощи, фрукты — их много, они дешевы, их легко купить, привезти, сохранить... вот и составляют они основу рациона гладиаторов. Другие причины тоже есть, но основная — эта. Хозяин кормит гладиатора год, даже больше. А будет ли отдача? Или этот человек окажется негодным в первом же бою?

Кстати, такое тоже бывает.

Кто-то не может убить. Кто-то боится смотреть на клинок... то есть человека атакуют, а он шарахается, глаза закрывает... К идеальному гладиатору много требований.

И Лоренцо Феретти отвечал им идеально. Он был эталоном бойца.

Спокойный, хладнокровный, безжалостный, рассудительный — и в отличной физической форме. Конечно, Зеки-фрай не смог пройти мимо!

Сколько лет он бойцов тренирует? Сколько уже видел... всякого?

Он проверял Лоренцо, для начала на пробных, более легких поединках. Потом он будет усложнять и усложнять. Но уже сейчас...

Ему в руки попало сокровище.

За таким и из столицы пришлют, не побрезгуют... а вот хочется ли Зеки-фраю отдавать своего Ангела? Особенно за «спасибо» и слово доброе?

Хозяин ведь не заплатит...

Если бы Зеки-фрай выкупал юного гладиатора за свои деньги, дело другое. А он-то за счет школы... и теперь не перепишешь историю. Не скажешь, что ценный раб сбежал, не присвоишь его себе.

Ангел УЖЕ известен, он уже вышел на арену, и спрятать его... какой тогда смысл?

Гладиаторский мир достаточно узок.

Тут слово, здесь слух... нет, не спрячешь и ничего не переделаешь. Остается выжимать свою выгоду. Впрочем, Энцо это тоже понимал.

Зеки-фрай нарадоваться на него не мог.

Правда, проявлялась эта радость пока в куске мяса, прибавленном к пище.

В отдельной комнате.

В женщине...

Да, Лоренцо Феретти, отлично понимая, что у каждого человека должен быть порок, придумал его себе сам.

Вино? Пьянице на арене не место, а мало пить при таком пороке не получится.

Азартные игры? Да то же самое. Это можно где в другом месте разыгрывать, а в бою хорошо видно, кто азартен, кто спокоен... Лоренцо понимал, что у него вообще азарта нет. Никакого.

И как он его изобразит?

Кстати, он и игр-то никаких не знает. Купцы к ним вообще относятся с отвращением, а охранники научить не успели. Тренировками были заняты.

Табак? Энцо вообще в нем ничего хорошего не находил. Хотя ты трубку кури, хоть кальян — гадость вонючая. И тошнит потом, фу...

Оставались женщины.

Лоренцо безумно не хотелось изменять Адриенне. Но... разве у него был выбор?

Если у человека нет порока, к нему будут относиться настороженно. А тут все ясно — бабник! В борделе Энцо бывал, что делают с женщинами, вполне представлял. И когда Зеки-фрай предложил ему награду в виде девки...

Энцо разве что сделал вид: боюсь!

А вдруг? Она чистенькая или нет? Кому ж охота от срамной болезни сгнить?

Вот это Зеки-фрай преотлично понял. И поскольку при школе жили несколько лекарей, успокоил парня. Все приходящие девки проверены.

Во-первых, они все присылаются из одного и того же борделя.

Во-вторых, они проверяются в борделе. Это не дешевка какая для портовых матросов и прочей швали, это дорогое заведение, элита...

В-третьих, они дополнительно проверяются уже в школе гладиаторов. А то как же?

Сколько вложено в мужчин... чтобы какая-то шлюха всех и разом... того? Перезаразила?

Вот еще не хватало!

Первый раз Энцо постарался подольше не выпустать девку. Потом уже просил об этом, как о награде. Ланиста не возражал.

Школа гладиаторов.

Здоровые молодые мужики. Которым нужны бабы. Или будут процветать совсем другие отношения. Ладно, в Араيه они не под запретом, но ведь этим мужикам на арену выходить! Друг против друга сражаться!

И как? Если они друг друга... того? Любят? Или ненавидят? Зрители бои приходят посмотреть, а не бабские разборки, это-то у них и дома, на кухне имеется.

Так что...

Хотите девочек — вызовем девочек. Хотите мальчиков — вызовем мальчиков, бордели и на них зарабатывают. Но сначала заслужите.

Будете себя хорошо вести, будете побеждать — будет и своя комната, и девка на всю ночь.

Нет? Ну... разрядка какая-то нужна, но выглядеть это будет совершенно иначе. В общей очереди, с одной бабой на всех, к примеру, по пять-семь минут на человека.

Сделал дело?

Свободен!

Конечно, Лоренцо быстро стал предметом зависти многих гладиаторов. Но обвинить в этом Зеки-фраю он не мог. Любой на его месте оказался бы в том же положении.

Зеки-фрай всего лишь делал свою работу. И делал ее хорошо.

Собаку надо кормить, учить, хвалить, награждать — тогда она и работать будет идеально. Наказывать тоже, но Энцо пока еще не наказывали. Он старался не давать повода. Он тоже делал свою работу.

Усыплял подозрения. И сохранял себя целым, невредимым и живым. Он должен вернуться домой.

Остальное?

Даже несмотря на ровное отношение к Зеки-фраю... если бы Энцо сказали, что завтра надо его лично убить, содрав шкуру, он бы это сделал. Только бы попасть домой.

Сейчас Энцо ждал своего поединка.

Впрочем, сегодня на арену пришли не только за этим...

Таможенник...

Да, и такое бывало. Ладно бы воровал! Все воруют! Но этот... не Керем-фрай, точно, кто-то другой, Энцо просто выкинул из головы имя несчастного. Он не просто проворовался!

Он еще и не поделился с начальством! А это грех вовсе уж непростительный!

Вот и стоял сейчас несчастный таможенник посреди арены.

И ему зачитывали приговор. Энцо поглядывал краем глаза. Интересно, с кем будет сражаться этот пузан? Он же разве что упадет, покатится — и собой кого задавит! Вообще туша тушей...

Арайский Энцо выучил отлично, но улавливал лишь обрывки слов.

За преступление...

Наказание...

Выпустить диких зверей...

До смерти одной из сторон...

Несчастный таможенник потел, краснел, бледнел... и кажется, уже попрощался с жизнью, когда на арену выпустили...

О, это были очень, очень дикие... шесть зайцев!

Публика грохнула смехом.

Энцо хмыкнул. Вообще-то те, кто считает заек милыми и добрыми лапочками, сильно заблуждаются. Наверное, ни разу не видели, как милый пушистик может ударом задних лап волку брюхо вспороть¹.

Но ведь не львы, не волки, не медведи... перелови — и свободен!

---

¹ Знакомый лесник рассказывал. Правда или нет — не знаю.
(Прим. авт.)

Таможенник тоже порадовался. Сначала...

Но ловил он их по арене битый час. Пыхтел, потел, носился за зайцами... кстати — вполне ревностно носился. Понял и оценил, видимо.

Ладно, на посмешище выставили? А если бы просто прибили? Его бы любой гладиатор в три минуты на составляющие разделал, что ту колбасу...

Дураком таможенник не был... или не круглым дураком хотя бы, а потому и старался. И вышел наконец победителем. Хотя и извалялся от души, и синяков насажал, и ссадин получил...

Но это были уже мелочи.

Энцо тоже потешался от души над толстяком. И уже внимательно смотрел на следующий поединок.

И еще на один.

А потом пришло и его время... его бой.

* * *

Сегодня Энцо был вооружен коротким мечом и щитом. Противник — копьем и длинным кинжалом. Радовало хотя бы то, что на руках и ногах обмотки. Но и у Энцо, и у его противника.

Значит, бить надо в корпус.

Плохо, что у противника в руках копье. Энцо уже приходилось так драться, но провокатор хуже владел оружием.

С другой стороны, тут у него есть щит...

Противники начали медленно сходитьсь.

Энцо ждал.

Первым потерял терпение его противник. Удар... копье змеиным жалом понеслось к юноше.

Энцо отпрянул, ударил по копыю щитом, сбивая направление удара.

И снова — круги друг напротив друга.

И снова — удар.

Перерубить копьё? Смахнуть наконечник? Ага-ага, мечом, коротким и достаточно легким, при воинах такое не скажите — смеха будет на месяц...

Почему мечом не рубят дрова для костра? Да потому, что не получится. Меч не перерубит древко копья, можно разве что затупить клинок, выщербить... а если...

Опять удар, в шею... с-сволочь! В живот, теперь подсесть ноги — копьё дает преимущество... что ж ты такой здоровый-то!

Противник вроде как и вовсе не притомился, вертит древко, словно веточку! Попробовать подставиться? Нет, лучше не рисковать. Но и долго затягивать не стоит.

Кружение затягивалось. Энцо принял решение и бросился вперед.

Шаг, второй, удар щитом по копьё — сбить в сторону. Удар щитом в лицо Энцо — отбить мечом с такой силой, что у самого немеет запястье. Но противнику наверняка еще веселее. И теперь уже Энцо бьет противника щитом в лицо.

Жестко, сильно, безжалостно...

Хрустит сломанный нос, запрокидывается голова.

На арену льется потоками кровь.

Нет, это не убийство. Но даже если ладонью рубануть по кончику носа снизу вверх, человеку будет ну очень плохо. А если щитом, да с дури...

Не убил.

И шею не сломал. Но врагу легче от этого не стало. Гладиатор упал на песок, поднял три пальца в знак поражения...

Зрители не возражали. Крови они увидели уже достаточно. Пусть поживет... милуем?

Милуем!

И Энцо отправился в раздевалку. На сегодня он свое отработал. Можно отдыхать. Из минусов — несколько синяков, а рука еще пару дней ныть будет. Но против-

нику точно хуже... интересно, он курносый до конца дней своих не останется? Но это уж точно не дело Лоренцо Феретти.

* * *

Вечером к Энцо опять зашел Ромео. Лоренцо только зубами скрипнул.

— Чего тебе надо? Отдохнуть не дашь!

— Вино будешь? Хорошее...

Энцо пожал плечами, сделал пару глотков из кувшина. И не отказался, и не напился. Так... сделал вид.

— Спасибо.

— Не стоит.

— Ну раз не стоит... тебе ланиста, что ли, поручил за мной приглядывать?

— Конечно. Мало ли что, сейчас вздумаешь голову о стену разбить, а ты ж ценное имущество...

— Ага. Или сбежать.

— Вот видишь, ты и сам все понимаешь. — Ромео смотрел откровенно насмешливо.

— Понимаю. И никуда не собираюсь.

Во всяком случае — пока.

— А раз понимаешь... тебе оно надо? Ну, меня выгонишь, так кто другой придет. Все равно ж не избавишься...

Лоренцо только вздохнул — и откинулся на стену.

— Ладно... ты поговоришь или тебе о чем-то рассказать?

— Да хотя бы и мне. Расскажи, что там... дома?

Дома...

Лоренцо вспомнил дядюшек, сестер, учителей... и заговорил совсем о другом.

— Дома... правит его величество Филиппо Третий.

— Он и раньше правил. Когда я сюда попал. Сын у него по-прежнему один? Не женился король?

— Нет. Эпидемия у нас была...

— Расскажешь?

Энцо послушно пересказывал события в Эрвлине за последние лет пять. Расспрашивал сам.

Ромео оказался самым обычным парнем, сыном наемника... перекасти-поле — оно и есть перекасти-поле. Ни дома, ни близких, отец всю жизнь мечом торговал и сына к тому приучил. Мать Ромео старался не вспоминать. Так-то он с ней жил лет до двенадцати, потом подросток... младших поднимать надо, старший может себе денег заработать сам, ну и уехал с отцом. В плен попал по глупости... мальчишка ж! Лет семнадцать ему было, пошел к девке, там и опоили. И продали по сходной цене, сначала на корабль, потом, с кораблем, попал сюда, в Арайю, сбежал, прибился к школе гладиаторов, сражаться-то парень умел.

Ну и втянулся постепенно.

Что-то был школе должен за обучение, за снаряжение, потом отдал постепенно, но ничего себе покупать не стал, живет здесь...

Зеки-фрай?

Да он не хозяин! Хозяин арены — совсем другой человек, некто Кемаль-бей. У него такие арены в нескольких городах есть, в столице в том числе. На них и поднялся.

Если так-то поглядеть...

Нет, Кемаль-бей — по рождению не из знати. Тут другое... только история эта... одним словом — тсс! Услышат, что рассказываешь, — могут и того... ноги переломать.

Энцо пообещал никому не пересказывать, и внимательно слушал.

Хозяином арены был Кемаль-бей.

Но беem он стал лет двадцать тому назад. Так получилось...

Султан Ферхад, да продлит Аллах его дни, был шестым сыном предыдущего султана, и, конечно, никто

не рассчитывал, что он унаследует трон. Так что жил мальчик в сельской глуши, кстати — ему повезло. Жил даже вместе с матерью, с дедом... его матерью оказалась девушка из местной знати, которую из каких-то соображений — Ромео точно не знал — взяли в гарем. А потом... а что потом?

Пару раз она на ложе к султану попала, сына родила, ну и... так-то из гарема выхода нет, но в этот раз султан смилостивился. Разрешил ей жить с сыном и за городом, пока сыну не исполнится четырнадцать. Ну и с отцом, понятно...

Вообще, такое здесь редко случается, но, наверное, были причины. Ромео их не знал, он знал, что султан долго жил в глуши, а Кемаль... то ли его отец припасы привозил, то ли что другое... Рода он достаточно подлого, но стал товарищем по играм для молодого принца.

В четырнадцать лет султан Ферхад уехал к отцу. Кемаль же...

Или друг его не забыл, или еще что... через пару лет юный Кемаль-фрай выкупил захолустную арену, которая погибала, и начал лично режиссировать представления. Внес «новую струю», добавил сексуальный элемент, предложил преступников отдавать ему, на арену... не всех, конечно. Тех, кто заслужил мучительную смерть или от кого не будет никакой пользы.

Опять же, если хозяева хотят от рабов избавиться... Постепенно, не сразу, но дело у него пошло.

Кемаль умел угадывать вкусы толпы. Прикупил вторую арену, уже в другом городе, потом третью...

Время шло, в результате серьезной борьбы Ферхад стал султаном, но друга не забыл.

Просто так беem он бы его не сделал, не с чего. Но в юного Кемалья по уши влюбилась сестра султана. Младшая.

Влюбилась она еще в то время, когда мальчишки играли друг с другом, а девочка смотрела на них в окошко, а иногда ей и поговорить с братом разрешали... ну что там такого? Мальчики на десять лет ее старше... малышка! А потом любовь вспыхнула с новой силой...

То ли Кемаль кинулся в ноги султану, то ли сестра умолила...

Но за обычного человека отдавать принцессу было нельзя. Пришлось жаловать титул другу детства. А там уж Кемаль-бей развернулся.

И столичную арену под себя подгрреб, и богатство начал наращивать...

Сейчас он был... ну, не в первой десятке самых богатых арайцев, но в первой сотне так уж точно.

Такая вот история.

Энцо слушал, кивал, поддакивал... что он еще мог сказать? Что мог сделать?

Ничего. Только слушать и собирать информацию. Рано или поздно он вырвется на свободу из этого ада! И знания ему в этом помогут!

В столице

— Да будет его воля! — Жрец был величественным и внушающим. Правда, лица его видно не было, мешала маска в виде козлиной головы. Но это точно был король всех козлов!

Такие рога!

Такая шерсть!

Такие налитые кровью глаза... человеческие? А, все равно — козел козлом! Даже воняло похоже!

Но кто из паствы замечает такие мелочи? Жреца обнюхивать не принято, а то копытом в лоб.

— Да... будет... его воля...

Паства откликалась тихо, но отчетливо. Особенно стоящая впереди женщина, в маске и капюшоне.

В этот раз эданна Франческа приняла во внимание замечание Осьминога. То самое, про родинку, и лицо с шеей закрыла, и мушек наклеила побольше — мало ли что?

— Да пребудет его сила!

— Да... пребудет...

— Властью господина! Кровью заклявшей, волосом заклятого! — торжественно произнося заклинание, жрец добавлял все вышеперечисленное в зелье, которое кипело перед ним на алтаре.

Зелье послушно принимало компоненты и даже цвета меняло.

С зеленого на синий, потом опять на зеленый...

— Прими нашу жертву!

Жертвой оказался молодой козленок.

Трое подручных затащили его на алтарь, рядом с кипящим зельем, двое держали за передние и за задние ноги, третий запрокинул голову.

Жрец в козлиной маске одним ударом перерезал горло животному.

Кровь хлынула, заливая алтарь, поднимая облако вонючего пара... а когда пар рассеялся, то и зелье кипеть перестало.

Так, слабо опалесцировало в котле.

Эданна Ческа посмотрела на жреца, и тот качнул головой.

Как же!

Дай тебе все сразу! И уйдешь? А поговорить? А пожертвовать? Нет-нет, так дело не пойдет.

Пришлось стоять до конца «богослужения». Или правильно говорить «дьяволослужения»?

Франческа над такими вещами не задумывалась. Если Бог не помогает, так дьявол поможет, если с дьяволом проблемы, так мы и древних богов раскопаем...

Его высочество — ее собственность!

А не этой... Кареллы!

Ладно, принц и возвращался к эданне Франческе, и подарки дарил, и любил, и прислушивался. Но ведь и с теми он тоже...

Он же и эту Алессандру тоже...

И как такое пережить?!

К чужой любви, хорошая она или плохая, привыкаешь очень быстро. Франческа готова была на все, чтобы ее удержать. В том числе и...

— Ваше золото.

Мешочек с монетами привычно лег на пол.

Старая ведьма кивнула, передавая Ческе зелье. Вот она его, сейчас, при ней, в кувшин и перелила.

— По три капли. Чем чаще, тем лучше... он от тебя отлипнуть не будет, не то что отходить.

— Вы так говорите, — надула губы Франческа, — а он все равно... ну... не слишком...

Старая ведьма вздохнула.

— Эданна, а что ты хочешь? Если козел... так его ненадолго и хватает. Настоящие жертвы — человеческие.

— Даже не смейте мне о таком говорить! — топнула ногой эданна Франческа. Схватила кувшин — и вихрем за дверь вылетела.

Старуха проводила ее насмешливым взглядом, фыркнула.

Жрец вышел из-за шторы.

— Какое благородство души!

Иронии в его голосе было столько, что хоть лопатой отгребай. Старуха опять фыркнула.

Козлиную голову мужчина снял, а вот тонкую шелковую маску под ней — оставил. Хотя она и так преотлично знала, с кем имеет дело.

— Она же не убивает. Она просто привораживает...

— А ты этого никак сделать не можешь. — Мужчина уселся в кресло и вытянул ноги. — Плохо работаешь.

Старуха хмыкнула.

— Эданна Кавалли работала хорошо. И где сейчас она?

Даже под маской было видно, что мужчина сдвинул брови.

— Не слишком ли ты много на себя берешь, старуха?

— В самый раз. Года не пройдет, эта дуреха и на жертвоприношения согласится, и сама кого угодно прирежет. Вам же это было надо?

Судя по невольному кивку головы — да.

— Вот, вы своего добились. А как Илария я не хочу, мне столько не заплатить...

— С тебя столько и не возьмут, — хмыкнул мужчина. — Ладно, прибери деньги, твое все же. Заработала...

Старая ведьма послушно спрятала кошелек куда-то в складки шали.

— Следующее представление когда?

— Давай дней через двадцать, — распорядился мужчина. — Посмотрим, как все будет складываться.

— Как скажете, господин.

— Да уж, скажу...

Мужчина гибко поднялся из кресла и вышел вон. Старуха уселась на его место.

— Мальчишка. Щенок. Играть он вздумал...

Пальцы ее нервно потерябили кисти на шали, перебрали нитки бахромы. С губ старухи сорвался хриплый смешок.

— Каждый, каждый щенок, который только что научился задирать лапку, мнит себя Цербером. И каждого ждет разочарование... а некоторых — живодерня. Э-эх, Ларька, тебя бы сюда! Ты бы сейчас развернулась, ты бы смогла... а я только и того, что слабенькие заговоры делать и дураков морочить.

Эданна Илария Кавалли по понятным причинам не отвечала.

Старуха еще раз вздохнула и отправилась в глубину дома. Прятать честно заработанное. Переодеваться. Уничтожать следы жертвоприношения.

Как?

Кровь — тряпкой, чего тут удивительного или нового?

А козленка сегодня вечером... тушеное мясо — уммм! Прелесть! И никаких следов, так-то...

А эти...

Кто-то служит богу, кто-то Сатане, но в итоге все работают сами на себя. И ведьма собиралась получить с каждого по высшей ставке.

* * *

— Болит, зараза...

Его величество потер бок. Правое подреберье ныло нещадно. Он посмотрел на стол, где стопками высились пергаменты, — и решительно тряхнул колокольчик.

— Лекаря позови, — распорядился испуганному секретарю.

Долго ждать не пришлось, придворный лекарь, дан Виталис, прибыл почти мгновенно.

— Ваше величество?

— Мое, мое... есть у тебя что-нибудь от боли в боку? Мне еще работать надо...

— Ваше величество, вам бы сейчас полежать, отдохнуть...

— Бонифаций, я у тебя что спросил? — повысил голос Филиппо.

Увы. Иногда медик становился ну совершенно непонятливым человеком. Вот как сейчас, например.

— Ваше величество, вы с меня хоть шкуру дерите... я вам что говорил? Желтуху нельзя на ногах переносить! Вот и результат!

Филиппо поморщился.

Ну говорил... и что? Попугай в клетках вон тоже говорят. А желтуха... подумаешь, переболел? С каждым бывало!

Ну потошнило, ну голова покружилась... что в этом такого страшного? Дело-то житейское!¹

— Что ты предлагаешь?

— Ваше величество, я вам лекарство дам, конечно. Но сейчас я настаиваю, что вам надо отдохнуть. И кстати говоря, вино вам нельзя. И жирное мясо тоже...

— Жить мне тоже нельзя — помру, — огрызнулся король. — Иди отсюда... за лекарством!

Лекарь послушно кивнул и отправился к себе. Сейчас он и лекарство принесет, и короля заставит отдохнуть. Только вот...

Не нравились ему эти боли. Вот не нравились, как и любому хорошему лекарю. Дан Виталис преотлично знал, какие бывают осложнения после желтухи. И в том числе «печеночный червь»...

А если это — ОНО?!

Если...

Нет, лучше не думать. Но порошки, которые помогают именно от этой напасти, он его величеству даст. И проследит, чтобы король соблюдал диету... хоть как, но соблюдал!

Господи, помоги королю!

Но в глубине души... да, там, куда и сам боялся заглядывать, лекарь подозревал, что помогать тут уже поздно. Молись не молись... все равно — дело плохо.

Мия

Маньи.

Поместье как поместье. Видывала Мия виды и поинтереснее.

А вот людей...

---

¹ Гепатит А. Болезнь грязных рук. (Прим. авт.)

— СибЛевран? Дядя, вы серьезно?

Джакомо только плечами пожал. Ну, СибЛевран... это важно? Или интересно?

— Конечно! — утвердила Мия. — И важно, и интересно... дядя, это те самые СибЛевран, с которыми договаривался дядя Паскуале!

Джакомо так себя по лбу треснул, что аж звон пошел по всей округе.

— Точно! Я-то и не сообразил сначала!

Мия тоже могла бы не вспомнить.

Но — Лоренцо.

И его рассказы про Адриенну СибЛевран, про ее красоту, ум... Мие безумно захотелось увидеть эту загадочную дану. Посмотреть, что в ней нашел брат.

И она в нем? Что она нашла в нем?

Если подарила брату подвеску в виде ворона? Если брат подарил ей тот самый крестик, который Мия получила от падре Ваккаро?

И в то же время...

— Мне не хотелось бы, чтобы Лаццо знали о нашем путешествии, — нахмурился Джакомо. — Для всех мы сейчас находимся в Феретти...

Мие этого тоже решительно не хотелось. Но какие были еще варианты? Если попробовать вариант с престарелой эданной, вот как они сделали это в поместье эданны Вакка, Джакомо придется назвать себя, и СибЛевраны потом скажут о нем. При встрече с тем же Паскуале на предзимней ярмарке.

Возникнет вопрос, что за эданну сопровождал Джакомо, где в это время была Мия...

Джакомо думал сосредоточенно.

— Мия, скажи, ты умеешь копать в земле?

— В земле?

— У меня есть одна идея... я могу пристроить тебя в Маньи, ненадолго. Но надолго и не надо.

Мия кивнула.

— Хоть на пару дней. Мне хватит..

— Уверена?

Мия пожала плечами.

Уверена не уверена... у нее сбоев никогда не было. И не будет. Она умная, она сможет правильно рассчитать ситуацию, она не попадетсЯ.

Она — метаморф.

Интересно, почему прабабка предпочла службу королеве — вольной жизни? Ведь могла бы зарабатывать жуткие деньги! А вместо этого — что?

Нельзя сказать, что Фьора была бедна как церковная мышь, но ее приданого хватило разве что на несколько лет. А Мия сейчас уже отложила на счет в банке больше, чем Лаццо торговлей за год заработают. Но они-то торгуют, трудятся, переживают, а Мие надо только пару раз... прогуляться. Несопоставимый труд.

Прабабка за всю жизнь могла столько заработать, что Мия на золоте и спала бы, и ела. И еще ее пра-внукам хватило бы.

Нет. Не заработала.

Но почему? Непонятно..

Рассказывать об этом дяде Мия не стала. Зачем?

— Уверена. Что у вас за идея, дядя?

* * *

— Будешь сорняки драть. И гирлянды потом помо-жешь вешать..

Садовник смотрел на «мальчишку» без всякой сим-патии.

Деньги нужны, оно понятно. Дан Маньи больше платил, а требовал меньше. А эданна Фабиана может и оштрафовать, и недоплатить, и требует при этом...

То у нее какие-то редкостные лилии не прижива-ются, то тюльпаны гибнут..

Оно понятно! Если арайские цветы выписывать, к ним и подход нужен особенный. А у нас в Эрвiline

то дождь, то снег, то заморозки, то вредитель какой выползет... вот и гибнут нежные цветочки. Но разве эданна слушать будет? Завизжит, ногами затопает, деньги урежет...

Может еще пару пощечин отвесить.

Раньше еще могла приказать пороть, но тут уж эданна Диана вмешалась. Все ж Маньи — наследство молодого дана, эданна Фабиана в нем распоряжается, но с оглядкой. Так что порок никаких нет.

И ради эданной Дианы, честно-то говоря, и старается садовник.

А тут — свадьба!

Леонардо слуги видели. И определили его породу точно — жиголо и приживал, паразит и подхалим. Эданне, понятно, поделом. Но свадьба ж!

Расходов прибавилось, дел прибавилось, а помощники? Садовник уж просил эданну разрешить ему привести с собой сына или двух, для помощи. Но там же платить надо, хоть по сольди в день, а это эданне не по душе.

Женишку своему, поди, перстень с таким алмазом подарила, что хоть дерись им! А пару сольди жалеет!

Бабы!

Разрешение садовник получил, но при условии, что дети будут ему помогать бесплатно. И еще пусть спасибо скажет, где бы они могли такой опыт получить?

Только вот забесплатно они и мамке по дому помогут. А эданне...

Перебьется.

Садовник был хмур и невесел, когда в его дом постучался дан Джакомо. И с ходу предложил ему десять лоринов за помощь.

А что?

Вы, ньор, берете с собой этого мальчишку, он вам помогает до свадьбы, потом уходит восвояси. А вы говорите всем, что это ваш сын. По рукам?

Как же!

Идиотом ньор Чиприано Кокко ни разу не был. Так что Джакомо пришлось повысить сумму до пятидесяти лоринов — и половина вперед. Зато ньор согласился. И пообещал Мию прикрывать как сможет.

В деревне на пятьдесят лоринов семья три года жить может. В городе поменьше — года полтора. Отказываться от таких денег ради эданны Фабианы?

Да вот еще!

Тем более, Мия была весьма и весьма похожа сейчас на его сына, Эудженио. Тот же вздернутый нос с веснушками, те же карие глаза, только у Мии они посветлее, а у Джено — темные, словно шоколад. Те же невнятно-темные волосы, которые «Джено» тут же, при нем, убрал под соломенную шляпу.

А округлостей и выпуклостей у Мии и так было не слишком много. Где подложить, где замаскировать — и получается вполне себе неплохо. Парень как парень.

— Буду, ньор... то есть отец. Где прикажете, — кивнула Мия.

Чиприано посмотрел на нее долгим взглядом.

— Мне точно от тебя беды не будет?

— Уверен, — спокойно сказала Мия.

— Смотри, парень...

Мия кивнула еще раз.

За этим она и здесь. Смотреть. На деревья или цветы она не посягает, а вот сорняки ей под силу. Ну и дальше будет видно. Посмотрим, что и как.

* * *

Ньор Чиприано на помощника нарадоваться не мог. Неприхотливый, молчаливый, делает, что сказано, разговаривать не лезет...

Прелесть!

Непонятно, что ему нужно в Маньи, но вот это ньора Чиприано как раз и не волновало. Парень старается,

в дом, считай, не заходит, разве на кухню. И там — выпьет молока, съест кусок хлеба — и обратно, в сад. Тут уж и кухарки довольны, хвалят, мол, какой у вас, ньор, сынок хороший! Папке помогает, да и на кухне помочь не отказывается!

Вот недавно мы его попросили лук почистить, так ведь мигом и перечистил, и нарезать кольцами помог... и зеленушки какой с огорода принесет, и помоем, не откажется...

Золото, а не парень, повезет кому-то с таким мужем.

Ньор Чиприано помалкивал и кивал головой. Старший сынок у него так и так в садовники подаваться не хотел, у него руки к другому ремеслу лежали, он рыбаком стать хотел. Так что лишний раз он в поместье и не придет. А там и позабудется...

А Мия действительно старалась не высовываться. И — наблюдала.

Вот хотела она быстренько подсыпать яд эданне Фабиане или уколоть ту какой иголкой — и удрать. Но... задержалась. И не в последнюю очередь из-за даны Сиблевран.

Если бы Адриенна обратила внимание на садовника, она бы поняла, что стоит ей выйти в сад или устроиться в беседке, как рядом оказывается помощник ньора Кокко.

И наблюдает.

Внимательно так, серьезно...

Мия не могла составить своего мнения об Адриенне. Вроде бы ее сверстница. Вроде бы обычная дана, которой ничего не надо.

Но...

На шее у Адриенны был надет простой медный крестик. И Мия узнала бы его из тысячи! Из сотни тысяч других.

Она сама взяла его у падре Ваккаро, она сама подарила его Энцо, и он передарил крестик. И Адриенна

Сиблевран регулярно касается его пальцами, гладит, перебирает цепочку. Смотрит куда-то вдаль, улыбается...

Энцо...

Для нее Лоренцо жив.

Она о нем думает как о живом, она ждет встречи, она...

Мия не могла заставить себя уйти просто так. Не поговорив с Адриенной. И в то же время — боялась. Очень боялась, сама не зная чего. Что она расскажет Адриенне о смерти Энцо — и та снимет крестик? Что Лоренцо и правда умер? Что? Мия не могла ответить на эти вопросы. И разобраться в себе тоже не могла.

Лоренцо полюбил эту девушку.

Почему? Чем она заслужила эту любовь? Или в ней есть нечто такое... говорят, что любят вопреки всему. Но ведь любят и за что-то? Такое тоже случается? За красоту, за ум... Вот дану... как там ее? Которую она в церкви на Рождество убила... Армандо полюбил ее просто за внешность. Но Лоренцо явно был умнее. А за что тогда?

Чутьем метаморфа Мия ощущала в Адриенне некую неправильность. Чуждость. И это завораживало. Заставляло приглядеться, задуматься... может быть, именно это привлекло к ней Лоренцо? А теперь притягивает и Миоу?

Может, перед ней еще одна часть головоломки? Как с зеркалом мастера Сальвадори?

На этот вопрос Мия пока не могла ответить. Как говорится, поживем — увидим. А пока понаблюдаем.

Вот и затягивала она выполнение задания.

Джакомо не нервничал. В этом отношении он уже полностью доверял племяннице. Если Мия говорит, что ей так надо...

Пусть побудет еще немного в Маньи. Ничего страшного.

Адриенна

Скорее бы послезавтра!

Даже не так!

Скорее! Бы! Послезавтра!!!

А там свадьба, и домой можно будет уехать! Счастье-то какое!!!

ДОМОЙ!!!

Как же Адриенне тут осточертело! Не знай она о своем происхождении, в Маньи всё на день пути вокруг бы вымерло. Нервы, нервы...

Она с трудом справлялась с собой, и потому регулярно случалась ветреная погода, а по ночам налетали то дожди, то холода. Садовник ворчал, и Адриенне было его искренне жалко.

Но как же ей все это... обрыдло! И слова-то другого подобрать нельзя!

Вот и сегодня...

Наконец-то закончились разговоры, наконец-то прекратился этот гадкий шум, который у Адриенны уже стоял в ушах, словно пробки...

Девушка махнула рукой на отвратительную погоду, сумерки и позднее время и решила пройтись по саду. Ну хотя бы ненадолго. Хоть чуточку проветриться. Сил на этот змеиный клубок никаких нет! И ведь шипят и шипят, лицемерят и лицемерят...

Да чтоб вам пропасть два раза!

НЕНАВИЖУ!!!

Так... не надо. Вот этого — не надо. Вдох и выдох, вдох и выдох... ты спокойна, Адриенна Сиблевран. Или уж сразу — Адриенна Сибеллин?

Ты ни на кого не злишься, ты принимаешь людей как они есть. С их достоинствами и недостатками, с их проблемами и бедами. Пусть они сволочи. Но ты-то должна быть умнее. Осталось потерпеть совсем чуть-чуть, и ты вернешься домой, в Сиблев-

ран, и вы с даном Рокко поедете на предзимнюю ярмарку.

И ты увидишь Лоренцо!

Пальцы коснулись медного крестика, ласково погладили его.

Адриенна обязательно расспросит, что такого произошло с Энцо этой весной. Почему ему было так плохо? Что случилось?

Сейчас она его чувствует, но это другое. Сейчас Лоренцо не больно, не страшно... это как разница между стрелой на тетиве — и стрелой, которую извлекают из раны. Первая... она и страшная, и опасная, а все же не так. А вот вторая...

Когда кровь, и боль, и страх, и кромсается живое тело... брр!

Ничего. Она поговорит с Лоренцо, и это отпустит.

Так, за размышлениями, Адриенна и дошла до виноградной беседки. Устроилась на вышитой подушке, прислонилась щекой к деревянной опоре.

Жаль, нельзя здесь заночевать. Ей бы понравилось спать в этой беседке, но уже холодно...

— Я так и знал, что найду тебя здесь.

Леонардо стоял в дверях.

Стоял вроде твердо, и не шатался, и слова выговаривал вполне отчетливо, но запах вина вокруг него тоже витал. И не радовал.

Есть среди стадий опьянения и такая, в которую тянет на подвиги. Нет, не подвигать мебель, хотя и так бывает. Но редко. Обычно на мелочи «герой» не разменивается и идет двигать мир. Или хотя бы потрясать его своим героизмом, статью, удалью и доблестью.

Вы их не заметили? Не оценили?

Тогда мы идем к вам!

Вот и Леонардо пришел. А что с ним дальше-то делать? Как останавливать человека в таком состоянии,

Адриенна знала. Чисто теоретически. А вот на практике — беда.

Ни сковородки, ни скалки — ничего.

А может, и останавливать не придется? Иногда героям в таком состоянии хватает уважения — и добавки к уже выпитому. Тоже вариант...

— Добрый вечер, — попробовала прощупать почву Адриенна.

— Д-добрый?

Адриенна посмотрела с невинным видом. Да, наверное, добрый. А какие проблемы?

— Стерва! — выдохнул Леонардо убежденным тоном. — Гадина!!!

— Я?! — возмутилась Адриенна.

— А кто?! Это ты во всем виновата, ты!!!

— Да в чем?! — искренне удивилась девушка. — В чем я провинилась?!

— А кто виноват, что я женюсь?

Адриенне осталось только глазами захлопать.

— Я думала... твоя мама?

— Мама... — Из рта Леонардо прямо-таки поток грязи полился. Эданна Сусанна многого не знала о своем происхождении и своей беспутной жизни.

Адриенна молчала.

А что она — спорить будет?

Она про эданну и похуже думает, если на то пошло! Редкостно мерзкое существо, в которое, словно в это самое, вляпался ее отец. И ведь не отмоешь...

Так что Адриенна молчала. И зря. Выговорившись, Леонардо вспомнил о ней.

— Она дрянь! И ты дрянь!!!

— Я-то почему?! Потому что ты женишься?!

— А ты могла бы оставить мне СибЛевран! И я бы не женился!

Адриенна аж рот открыла от такой интересной логики.